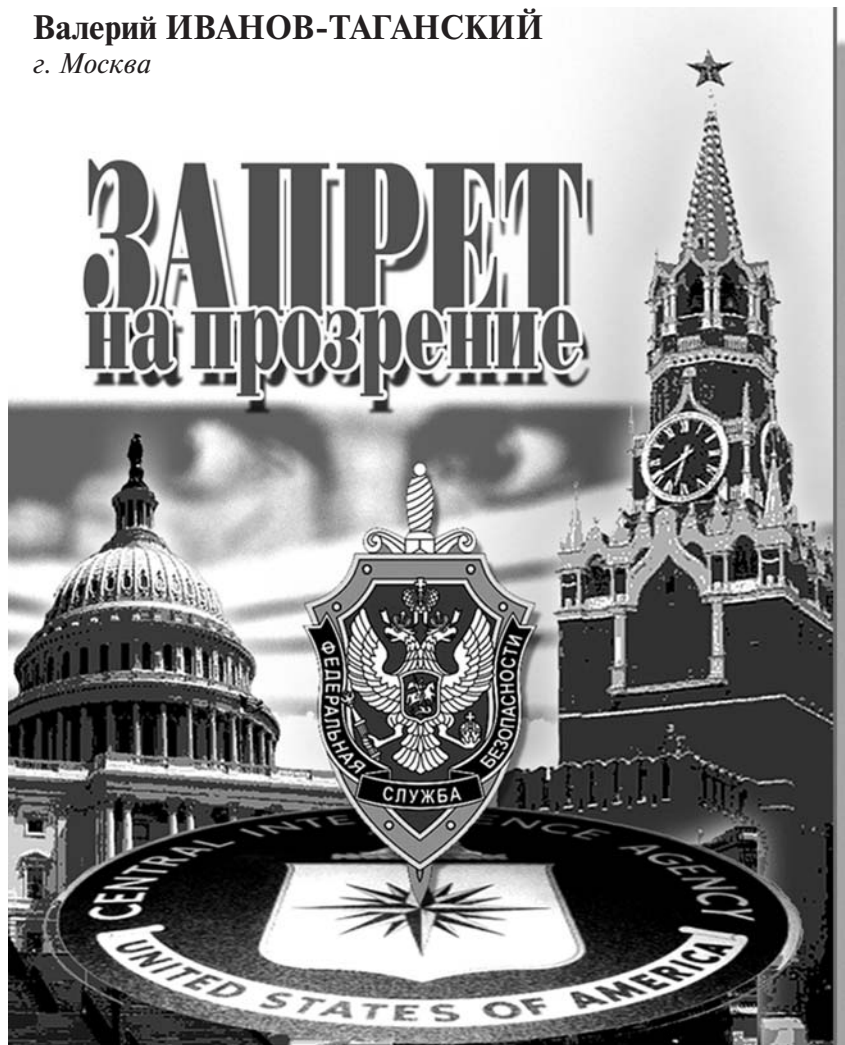

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

г. Москва

* * *

Марков в первый момент удивился, когда Академик Бореев попросил его содействия в покупке для доктора Чердак автомобиля. Но, взвесив, какой подарок сделала Каталина академику, вытащив его буквально с того света, он решил, что и сам бы на месте Бореева без промедления сделал бы нечто подобное.

Вскоре по поручению Маркова его помощник по бизнесу Дорофф, получивший от Бореева кругленькую сумму, подыскал очень красивый «Мини-Купер» и пригнал его со всеми документами к дому Каталины. Переехав в Европу и ра-

ботая у Вайса, где большая часть жизни была сосредоточена в небольшом городке, необходимость в машине у Каталины отпала. Но подарок был настолько неожиданным и приятным, что она быстро восстановила навыки вождения и вскоре лихо разъезжала на светло-желтой «малютке» по городу. Ко всему прочему, доктор Чердак успокоилась. Ей показалось, что «возвращения признаков» не будет и встреча с Крэгом просто дурной сон. Но не тут-то было! В начале следующей недели раздался телефонный звонок, и Крэг самым настойчивым образом потребовал ее приезда. В назначенный день Каталина собралась в Мюнхен. Еще при первой встрече с Крэгом, как тот ни отрицал, она поняла по косвенным данным, что он работает на структуру Национальной Секретной Службы, которая организована сравнительно недавно и подчиняется только Совету Национальной Безопасности. Как бы далека ни была ее тепереш-

няя жизнь от той, в Штатах, Каталина, тем не менее, следила за жизнью и изменениями в своем бывшем ведомстве. Знала она и о том, что независимая структура НСС организует и осуществляет тайные операции, контрразведывательное обеспечение агентурно-оперативных мероприятий, а также что на нее не распространяются нормы и правила войны. Не знала она только о том, что НСС предоставлена свобода действий в рамках действующего порядка проведения операций, под которыми понимаются физическая

* Окончание. Начало в № 3-4, 5-6, 7-8 за 2010 г.

ликвидация, подготовка переворотов, помощь в создании и обучении вооруженных формирований из числа иностранных граждан и то, что приказ о проведении подобных операций может издать только президент США.

На протяжении всей дороги в Мюнхен она старалась представить, с кем у нее будет встреча? Не исключала она и варианта, что это будет встреча с исчезнувшим Самариним, вокруг которого здесь развернулась такая нешуточная борьба.

Работа с Самариним не двигалась. Из ЦРУ требовали результатов. Однако набравший при новой администрации еще больший вес политолог Хоссудовски без сведений от Самарина не давал отмашку на проведение главной операции.

«Гроздя гнева» сыпались из Пентагона и ЦРУ на все службы, в том числе и на команду Рейса.

Тем временем Самарин находился в полной изоляции. Давно уже не было секретом, что еще при Буше-младшем началось перемещение заключенных, особенно обвиняемых в терроризме, по разным европейским тюрьмам. По утечке из военной разведки стало известно, что тюрьмы существовали на Украине, в Косово, Македонии и Болгарии. Многие годы в Германии, помимо широко известных баз — Кайзерслаутерн, Рамштейн или Графенвер, где, в том числе, проходили совместные российско-американские командно-штабные учения, существовали еще небольшие базы, похожие на своеобразные опорные пункты. В этих опорных пунктах были специальные камеры, где по несколько месяцев держали «транзитных заключенных», прежде чем решить их дальнейшую судьбу. Неподалеку от Мюнхенского аэропорта и находился такой «опорный пункт», где держали Самарина. Место насиженное и удобное. Здесь можно было остановиться военному начальству в случае задержек вылета или, приняв на время секретные грузы, передать их по цепочке на более крупные базы.

Самарина переправили сюда самым коротким способом: машиной доставили на один из военных аэродромов Украины, а затем, под видом террориста, пытавшегося построить «грязную радиоактивную бомбу», перебросили в сопро-

вождении офицеров ЦРУ самолетом в Мюнхен. Но поскольку об исчезновении политолога Самарина стало широко известно, решено было пока не этапировать его в Штаты, а держать «на крючке» здесь, под Мюнхеном.

За неполные две недели Самарин сильно изменился. Ему не давали бриться, он ослаб, потому что отказывался от еды. Разумеется, у него не было никакой связи с внешним миром. К полной изоляции добавились пытки. Его постоянно избивали, лишали сна, принуждали раздеваться догола, пытали жарой и холодом, ярким светом и громкой музыкой. Допросы проводили офицеры ЦРУ. Час за часом они пытались сломить волю политолога, заставляя его высказаться по национальным и глобальным тенденциям мировой экономики, раскрыть цели и задачи основных противников американского доминирования после выхода из кризиса и главное — дать оценку намеченным планам и методам, выбранным США для достижения своих стратегических целей. Именно этой магической самаринской оценки ожидало решительное крыло в окружении американского президента. Все, что требовалось для «перезарядки» и усылнения кремлевского руководства, вплоть до сокращения наступательного оружия и отказа от размещения ПРО в Европе, кажется, уже было сделано. Наступала новая фаза взаимодействия с Россией. Поэтому работа ЦРУ становилась на этом этапе особенно важной. Вот почему им потребовался Самарин. Заручившись его поддержкой, можно было открыто начать основную фазу операции. Нетерпение некоторых так называемых людей из окружения президента было настолько велико, что, несмотря на все «но», ничто не помешало им втайне или с молчаливого согласия президента нацелить ЦРУ и команду генерала Рейса на ускорение операций по дестабилизации положения в России.

Когда первый этап воздействия на политолога не привел к результатам, Самарину неожиданно подсунили наброски анонимного доклада его вечного противника — политолога Хоссудовски, который был условно назван «Глобальные тенденции 2015 года». На этот раз хитрый американец сконструировал свои прогнозы, опираясь во многом на высказывания не только самого Самарина, но и его коллег. Это была «гремучая

смесь», рассчитанная на то, что в заключенном политологе заговорит ретивое и он начнет полемизировать со своими мучителями и проговорится. Начинался доклад Хоссудовски общей оценкой положения России в глобальном кризисе: «Россия вырабатывает уникальный по своей природе «механизм воспроизводящейся бедности», когда богатые богатеют, а бедные беднеют, экономика умирает. Когда-нибудь эта гремучая смесь рванет — мало не покажется». Далее в докладе приводились примеры, которые в той или иной степени были известны, но, будучи ловко сфальсифицированы в одной обойме доказательств, могли произвести нужное впечатление: «Причин продолжающегося развала России несколько, одна из главных — демография. Хочется нам этого или не хочется, но и при увеличении рождаемости и при усилении миграции соплеменников из стран СНГ население страны будет убывать, к 2050 году оно не превысит 100 миллионов человек. Россия для русских станет слишком большой. И даже при оптимистическом сценарии (если возродятся промышленность, заводы и фабрики) производство товаров русским будет обходиться дороже, чем в странах компактного проживания. Это экономический закон, и против него не попрешь, о конкурентоспособности лучше забыть». Далее для подогрева взрывного темперамента Самарина приводилась цитата, приписываемая главному «ястребу» американской политики, с которым Самарин неоднократно сталкивался и полемизировал в период своего пребывания в США, Збигневу Бжезинскому: «В двадцать первом веке США будет развиваться против России, за счет России и на обломках России». В заключении шло широко известное утверждение американского политика Мадлен Олбрайт, что Сибирь с ее нефтью, газом и бездорожьем является достоянием всего мирового сообщества. Что Северный морской путь тоже не должен быть российским, поскольку она не в состоянии оборудовать его портами, пристанями и причалами. А деловой мир в результате этого теряет экономическую выгоду, в Тихий океан из Атлантического попадет не через Северный Ледовитый, а через Суэцкий или Панамский каналы. И это все потому, что Москва не поспевает за мировым прогрессом, тормозит и с этим пора кончать. После такого «подогрева» Хоссудовски

уже в более спокойных тонах цитировал российских экономистов: «К сожалению, нашу страну оценивают как мировой резервуар, из которого нужно качать и качать. Благо природа не обидела. Ресурсный потенциал России составляет 340 — 380 триллионов долларов. Если его сопоставить с численностью населения, то на среднестатистического россиянина нацбогатства приходится в 2 раза больше, чем в США, в 6 раз — чем в Германии, и в 22 раза больше, чем в Японии. А вот по доле ВВП картина абсолютно противоположная: из 200 стран Россия примерно на 100-м месте. На фоне сегодняшних проблем Россия предстает во весь свой великолепный рост, но на глиняных ногах». В конце автор цитировал острую, но спорную оценку текущего момента, взятую из периодической печати: «Почти очевидно, что если мы не перестроили экономику в лучшие годы, когда к нам текли нефтедоллары, то в худшие годы, которые переживаем теперь, с этой задачей не справиться и подавно». Заканчивалась эта часть доклада цитатой, которая была выхвачена из периодики той газеты, где было напечатано последнее интервью Самарина: «Нет, тишина эта обманчивая. Кто даст гарантию, что когда-нибудь мы не поймем, что от такой Родины, где заживо сгорают неучтенные старики в неучтенных домах престарелых, нам ждать все равно нечего, — и снова не потянемся на майданы за теми, кто «знает, как надо», кто пообещает хорошую жизнь? Но уже в отдельно взятом Восточном, Западносибирском или Дальневосточном княжестве? Таковую гарантию не даст даже страховой полис...»

Этот доклад не произвел на Самарина сильного впечатления. Все это он уже знал, слышал и каким бы удрученным сейчас ни был, эмоционально «пережевывать» все эти общие места не собирался. Но подброшенное не без умысла интервью Збигнева Бжезинского в российской газете и особенно сообщение о взрывах военных складов на Украине привели его в шоковое состояние. В эту ночь ему приснился сон, который был копией того, что он видел накануне своего интервью газете «Московский комсомолец». Разница была только в том, что теперь этот сон просматривался отчетливо и люди, сопровождавшие какой-то военный груз, были в движении. Вся эта груп-

па в каком-то ритмическом и ускоряющемся темпе устремлялась по определенному маршруту. Когда у него всполохами промелькнули подряд три повтора разных, но уже когда-то виденных мест, он с невероятным усилием заставил себя проснуться. В эту ночь он окончательно понял, что назревают события, от которых зависит не только его судьба, но и жизнь других людей.

Все его прежние прозрения вдруг слились в одну ясную и отчетливую картину. Он видел, как мир, находясь в «маршрутном такси» истории, катится не по дороге, растянутой на десятилетия, а намеренно свернул на короткую тропинку с расстоянием и запасом прочности на два-три года. А в последние дни ему показалось, что и этого запаса уже нет, мир стремительно, в считанные часы скатывался к хаосу. Надо заметить, что Самарин был не только специалистом по прогнозу и учету малых вариаций ламинарного (невихревого) движения событийного потока, но вместе со Стивеном Манном был одним из лучших специалистов теории хаоса. Естественно, что в подобных драматических случаях дар политолога и провидца подкреплялся еще и его научным опытом, и тогда результаты возрастали в разы.

Вскоре он уже знал, откуда исходит опасность, где предполагаемая угроза может осуществиться, но в силу своего положения не мог это предотвратить. Такое состояние длилось целые сутки, пока ему не приснилась какая-то женщина с короной из цветов на голове. Незнакомая молодая женщина доброжелательно разговаривала с ним, глаза ее улыбались и говорили больше, чем позволяли условия, при которых они встретились. Это был добрый знак. Самарин приободрился. Впервые он внимательно изучил помещение, в котором его держали, и, к счастью, обнаружил, что кроме подслушивающих устройств и одной фронтальной видеокамеры другой аппаратуры в его помещении не было. Эта небольшая база была создана лет двадцать назад и в последние годы оставалась только пересылочным пунктом, поэтому здание не перестраивалось.

Последние сутки он провел в каком-то нервном ожидании. Чтобы отвлечься, он то и дело с кем-то в голос разговаривал. Дежурившие офицеры не на шутку встревожились за рассудок зак-

люченного, но, не обнаружив при общении агрессивности, успокоились.

Каталина Чердак договорилась с Крэгом, что будет встречаться с Самариным прежде всего как врач. Самарин, не желая есть «американские харчи», как он выражался, жаловался на боли в животе, тяжесть в области печени и особенно на бессонницу. В день встречи с Чердак дежурный офицер и главный «костолом» Итон Браун тоном уставшего проповедника сообщил Самарину, что его осмотрит врач. Если окажется, что он действительно болен, его отправят на лечение в другое место, где условия будут не в пример хуже.

На это Самарин не без иронии ответил:

— Неужели хуже? Вы меня обрадовали, я догадывался, что коротаю время в райском уголке.

Они общались без переводчика, и, судя по физиономии Брауна, ирония Самарина прошла незамеченной. Как ни ждал он подобной встречи, но появление доктора Чердак явилось для Самарина спасительной соломинкой. Когда она вошла в белом халате — красивая и приветливая, ему показалось, что в камере появилось солнце. По первым репликам Самарин сразу почувствовал, что эта женщина не из круга и команды Крэга и Брауна. Однако он понимал и то, что в ее задачу входит все, чего от него добиваются другие — разговаривать его. «Что ж, — решил он, — надо сделать так, чтобы ей это удалось, а все «прослушки» в это стопроцентно поверили». Еще до прихода Чердак он незаметно сдвинул стол и сел так, чтобы перекрыть видеокамеру. Он разложил несколько листов писчей бумаги, выданной ему, если вдруг понадобится писать заявление, и единственные две книги.

Чердак вошла быстро и решительно.

— У вас здесь душно, — сказала она после традиционного «гуд монинг» и, стукнув в дверь, попросила дежурного открыть форточку, чтобы выиграть время для осмотра комнаты Самарина и понять, что кроме видеокамеры, которую она заметила при входе, других приспособлений такого типа нет. Пока дежурный ходил за длинной палкой, чтобы открыть форточку, Каталина поняла, что есть подслушивающие устройства и весь разговор, по всей видимости, будет записываться.

Сердце ее сжалось, когда она увидела на лице Самарина синяки и раны, его хоть и отвели перед

встречей с врачом в душ, но тело и особенно руки были в кровоподтеках, тонкие седеющие волосы без расчески сваялись, а наметившаяся борода, которую он от смущения приглаживал рукой, походила на колючки шиповника.

На вопрос: «На что вы жалуетесь?» Самарин перечислил то, что уже говорил неоднократно своим мучителям.

— Боли в животе, тяжесть в печени и бессонница.

— Давайте мы для начала проверим давление, — понимающе отозвалась доктор Чердак и достала аппарат из своей обширной сумки. В процессе подготовки аппарата она заметила на столе две книги — «Войну и мир» Толстого и синенькую карманную книжечку «Новый Завет и Псалтырь».

— Вы читаете Толстого, преданного русской церковью анафеме, и вместе с тем «Евангелие»? Не взаимоисключающие ли это вещи? — спросила она громко, рассчитывая не только на записывающую аппаратуру, но и для предупреждения Самарина, что их беседа с первых слов прослушивается.

— Ну, во-первых, мне только это и было предложено, — в том же тоне ответил Самарин. — Да вот еще газета с интервью Збигнева Бжезинского.

— Как, разве у вас не было выбора? — удивилась она.

— Нет, выбор был. Мне предложили «Евангелие» и одну из книг на мой выбор. Я колебался между «Дон Кихотом» и «Войной и миром». Выбор был в пользу «Войны и мира». Она ближе подходит к текущему моменту. А что касается, как вы выразились, «взаимоисключения» этих книг, то это не совсем так. Толстой начал трудиться над созданием собственной религии, которую понимал как толкование учения Христа. Другое дело, что непрощеный толкователь вызывает у нас раздражение и досаду.

— И даже у вас, русского? — воскликнула Каталина.

— А почему бы и нет? Русские ничуть не дальше от Христа, чем все остальные.

— И что все-таки пытался доказать великий Толстой? — с этими словами Каталина подвинула свободный стул ближе к Самарину и, присев, окончательно перекрыла видеокамеру.

— Толстой доказывает, что десять заповедей являются частным делом Моисея и что Церковь заменила их тем, чем являются для него пять заповедей Христа. Таким образом, Лев Николаевич ищет заповеди, которые были бы способны определить характер «бытия».

— И какие же заповеди находит ваш Лев Николаевич? — в течение одной секунды Каталина проверила давление и осталась довольна.

— Ну что? Высокое? — совсем уже весело спросил Самарин.

— Сто сорок на девяносто.

— Неужели? Так это почти нормальное.

— А кто вам сказал, что оно у вас ненормальное?

— Нашим здоровьем здесь до вас, доктор, не занимались, — он показал на свое избитое лицо и горько усмехнулся.

Каталина сочувственно закрыла глаза и стала складывать аппарат.

— Вы так мне и не ответили по поводу заповедей Льва Толстого?

Она взяла «Войну и мир» и стала перелистывать страницы, разглядывая иллюстрации.

— Толстой основывает свои убеждения на разборе текста Евангелия от Матфея.

— И как это все звучит? — насторожилась Каталина.

— Просто и ясно! Вот как он объясняет пять заповедей Христа: «Будь в мире со всеми людьми, не считай ни одного человека ни значащим, ни глупым. Если мир нарушен, делай все возможное, не жалея сил, чтобы восстановить его. Служение Богу есть разрушение всякой вражды. Примиряйся, ибо ты не должен терять истинной жизни».

Самарин вопросительно посмотрел на Каталину и замолчал.

— И это все? — с недоумением спросила она.

— Да. В этой заповеди все сказано.

— Но у Христа там еще кое-что есть?

— Христос предвидел, насколько силен будет в мире соблазн нарушить мир, — охотно продолжил Самарин, — усиливает сказанное второй заповедью: «Вопреки телесной красоте, борись с вождением плоти, будь мужем одной жены, и будь женой одного мужа, и не разлучайтесь ни под каким предлогом». Затем следует соблазн произносить клятвы: «Знай, что это плохо, и не

клянись вовсе». Четвертый соблазн: «Не ищи мести, не оправдывай себя тем, что ты был оскорблен, переноси обиду и не воздавай злом за зло». Пятый соблазн — это различие между национальностями, вражда между расами и царствами: «Знай, что все люди — братья и дети одного Бога, не нарушай ни с кем мира под предлогом национального расхождения». Вывод следующий: «Если одна из этих заповедей будет оставлена людьми без внимания, мир будет нарушен. Если все эти заповеди будут соблюдены, во всем мире будет царствовать мир».

— И сколько же заповедей сегодня нарушено? — громко спросила Каталина.

— Догадаться.

— Кажется, все.

— Согласен.

— И кто же виноват в этом? Все?

— Нет, далеко не все. Но есть виновные, и они известны.

— Назовите хоть одного.

— Да вот взять хотя бы этого. — Самарин открыл газету и показал фотографию Збигнева Бжезинского, стреляющего из автомата с пакистано-афганской границы в сторону Афганистана.

— Вот один из тех, кто готов нарушить любые заповеди, лишь бы обслужить тех, кто управляет сегодня миром. Недаром «неистового Збига» в Америке прозвали «ястребом». У него сегодня второе пришествие. Его книга «Шахматная доска» переживает второе рождение. Но одноклеточный Збиг забывает, что, во-первых, в политике на одной доске никто не играет. Чтобы побеждать, надо уметь играть на всех досках. Особенно на той, что представляет дух нации, её становой нравственный стержень. К тому же надо помнить давнюю китайскую мудрость: «Умеет воевать тот, кто достигает победы без войны». Холодная война Бжезинского по расчленению России, поддерживаемая пятой колонной в рядах нашей элиты, весьма по вкусу нынешним американским демократам. Эта администрация с нескрываемым удовольствием выслушивает его антироссийские заключения.

— Вы так о нем говорите, будто знаете его.

— Знаю, и притом хорошо!

— Встречались лично? — с каким-то недоверием спросила Каталина.

— И лично тоже. Но главное, знаю его прогнозы о России: «Россия — черная дыра, у нее нет геополитического выбора, речь может идти только о выживании. Рядом с Россией идет драматический рост Китая. Но Россия не может двигаться к Европе, потому что думает о себе как об империи». И так далее.

— Но разве Россия не стремится быть империей? Или у вас другая точка зрения? — с нарастающей заинтересованностью спросила Каталина.

— У нас не может быть другой точки зрения, потому что у нашей страны другой менталитет. В этом весь вопрос! «Дядю Степу» нельзя превратить в карлика, Дмитрий Карамазов никогда не будет похож на Пинкертон. Вся свою жизнь этот человек с польской подозрительностью и еврейской методичностью посвятил изучению России, считая нашу страну «абсолютным злом» и неизбежным геополитическим противником Запада. При этом, прекрасно зная, что своим существованием Запад, во всяком случае, его европейская часть, обязан России. Он не хуже другого «друга» России политолога Хоссудовски знает, что только Россия, прикрыв в свое время Европу от татаро-монгольского и освободив от гитлеровского нашествия, сегодня способна остановить диффузию «китайского фактора», о котором предпочитают молчать в Китае из-за скрытности их стратегических целей, а у нас из-за отсутствия политической воли. Да, у нас есть проблемы, начиная с Дальнего Востока с «пустым пространством», где с одной стороны 35 миллионов человек россиян, а с другой — 3,5-4 миллиарда китайцев, и кончая нашими миллиардерами, которые размещают свои деньги в Лондоне, на Кипре, Каймановых островах и не хотят вкладывать в развитие Владивостока и Хабаровска. Да, это наши проблемы. Их у нас миллион! Но дайте нам наши трудности преодолевать и решать самим. Не учите нас, как жить, вы даже не учите, а менторски поучаете: «Это России нельзя! Тут вам придется поступиться...» Чем поступиться? Территорией? Нашей независимостью? Или перестать стремиться быть Великой державой? Пожертвовать своей вековой идентичностью? При этом у наших заклятых друзей ворох стратегических планов по отправлению современной России в политическое небытие. Они мечтают обмануть нас, втянуть в гонку вооружений, перепу-

гать своим ПРО. Главное, чтобы мы прекратили свое существование. Не получится! Пока я жив, не получится. И, пожалуйста, не устраивайте нам в ближайшее время провокаций. Дайте одно спокойное десятилетие, и вы не узнаете Россию.

В комнате, где к записи разговора между Самариним и Каталиной были прикованы почти все сотрудники, занимающиеся «делом Самарина», впервые была праздничная обстановка. Все поздравляли Крэга с этой «находкой» и на все лады хвалили находчивость доктора Чердак, удивляясь ее способностям.

Самарин предугадал реакцию своих мучителей. Он по-прежнему, несмотря на физическое недомогание, до конца контролировал ситуацию.

В своем монологе политолог нарочито не заглядывал слишком далеко, касался известных вещей, говорил громко и четко, чтобы доходило каждое слово, и только на предложении «не устраивайте нам провокаций» он легко толкнул Каталину локтем, дав понять, что это главное.

По этому сигналу Каталина поняла, что Самарин ей доверяет, и так же локтем ответила, что готова для сотрудничества.

Её незаметное прикосновение Самарина обожгло и испугало. «Неужели можно довериться?» — лихорадочно думал он, чувствуя спиной, что с него не сводят глаз.

Впрочем, он понимал — у него нет другого выбора. Он обязан был воспользоваться встречей с этой женщиной. Он уже не думал, доверяет ли ей до конца или нет? Он знал только одно — другого случая просто может не быть. Оставалось только самое главное, чтобы найти какую-то подходящую возможность, чтобы передать Каталине важнейшую информацию. И не только потому, что женщина ближе к идеалу, а в опасных ситуациях к тому же находчивее, но прошлый опыт Каталины не прошел даром, и она сразу придумала ход.

— В следующий раз я поостерегусь с вами говорить на политические темы, — заговорила она тоном учительницы с проштрафившимся учеником. — Вы очень эмоциональны. Вот почему у вас бессонница и отсутствие аппетита. Отсюда и боли в желудке. Нервы у вас никуда не годятся. Нельзя так выкладывать, ведь медицина никому пока не обеспечила бессмер-

тия. Даже у Всевышнего с бессмертием нет окончательной ясности, — говорила она безапелляционным тоном, строго поглядывая на Самарина, — одни отправляются в ад, где горят в геенне огненной, другие наслаждаются в раю, но как туда попасть — не все имеют представление. Поэтому мы пойдем обычным, но надежным путем. Я вам выпишу рецепты, и очень надеюсь, что вас этими лекарствами обеспечат, по крайней мере, до нашей новой встречи.

Последние слова она произнесла отчетливее, чем все остальное, и, достав из сумки пустые бланки и шариковую ручку, приготовилась написать рецепт.

— Значит, так, — растягивая гласные, говорила она, — первое, что мы вам выпишем, — это снотворное.

Она что-то написала на бланке и повернула его так, чтобы Самарин сумел прочитать. На листке было написано: «В Германии находится ваш друг Вадим Марков, что ему передать?» Бегло прочитав записку, Самарин возликовал.

— Нет, это снотворное для вас, пожалуй, слишком слабое, — внезапно решила она, — лучше будет, если вы будете принимать вот это.

Она смяла бланк и написала на новом и впрямь рецепт снотворного. Самарин взял листок с рецептом и стал подробно его изучать, мысленно стараясь найти хоть какой-нибудь предлог, чтобы передать ей свое послание.

— Вы врач, но почему-то скептически говорите о бессмертии, — начал он издали, мучительно придумывая, как ей ответить. — А между тем эксперименты со стволовыми клетками уже дают основательные результаты для оптимизма. Я уже не говорю о том, что лекарство для бессмертия сегодня пытаются сделать из единственного пока живого существа в мире, обреченного на бессмертие.

— Впервые слышу! — воскликнула Каталина. — И что же это за существо?

— Единственным бессмертным существом на Земле является медуза Гидроит Турриторсис нутрисула, имеющая в диаметре всего 4-5 миллиметров. Уникальная особь, которая способна омолаживать себя.

Каталина издала восторженный возглас и, развернувшись к Самарину, стала слушать.

— Обычно медузы гибнут после размножения,

однако Турриторсис нутрисула умеет возвращаться из «взрослой» стадии медузы к «детской» стадии полипа. Этот цикл способен повторяться до бесконечности.

— И что, из этих полипов изготавливается препарат для бессмертия? — воскликнула она опять с восторгом. — А почему я ничего не знаю? Ой, как стыдно! А еще врач называется. Как, вы говорите, зовут эту медузу?

— Эту медузу зовут Турриторсис нутрисула, — повторил он.

Она попробовала повторить имя медузы, но, запутавшись, попросила его, чтобы быстрее запомнить, написать это имя латинскими буквами. Она придвинула несколько пустых бланков. Самарин быстро написал название медузы и тут же по-русски вывел на другом бланке следующий текст: *«Гот. взрыв (ядер.) в метро. Предположительно: центр — Тверская, Пушк. Скоро! Следующий взрыв...»* Он хотел продолжить, но в это время за дверью началось движение.

Каталина быстро свернула записку Самарина и, незаметно открыв висевший на груди медальон, сунула ее внутрь.

Рецепт с названием медузы она вложила в общую пачку и отодвинула ее в сторону.

Дверь резко распахнулась, и появился Итон Браун, толкая перед собой столик с телевизором.

— Это для вас, господин Самарин, отныне мы будем смотреть развлекательные программы и программы из мира животных.

Браун с гипсовой улыбкой внимательно посмотрел на Самарина и Каталину, потом на стол с брошенными бумагами и тоном, не терпящим возражения, объявил:

— Доктор, прошу прощения за непрошеное вторжение! Но вашему пациенту пора обедать.

Браун демонстративно посмотрел на часы и развел руками.

— Думаю, что для первого знакомства вы провели время весьма продуктивно. На днях сможете продолжить общение. Надеюсь, что после этой встречи, господин Самарин, у вас появится аппетит? — сказал Браун, с пошловатой улыбочкой поглядывая на Каталину.

Самарин бесстрастным взглядом посмотрел на Брауна и негромко ответил:

— Если вы предоставите мне то, что выписал доктор, я обещаю больше не отказываться от пи-

щи и буду смотреть... — Самарин взглянул на телевизор и добавил: — И буду смотреть программы из мира животных.

Браун подошел к столу, посмотрел на выписанный рецепт и с кислым выражением спросил Каталину:

— И больше ему ничего не нужно?

— Да, господин Браун. Моему пациенту требуется выспаться и успокоиться, — строго ответила она.

— Хорошо, мы побеспокоимся об этом лекарстве.

Каталина удовлетворительно кивнула и заключила:

— Для первой встречи, господин Самарин, и впрямь достаточно. При следующей я осмотрю вас обстоятельнее. До свиданья, господин Самарин.

Она протянула ему руку и с улыбкой сказала:

— Про вашу медузу я никогда не забуду. Я все запомнила. — Она с усердием ученицы повторила: — Турриторсис нутрисула, — и первой пошла на выход. Вслед за ней и Итон Браун.

Каталине было вполне достаточно знания русского языка, полученного когда-то в ЦРУ, чтобы понять содержание записки Самарина. Когда она попрощалась с воспрянувшим Крэгом и вышла из цэрэушного логова, первое, что ей захотелось, это немедленно позвонить Маркову. Слово «ядерный» выглядело так зловеще, что она не знала, как успокоиться. Как бы ни складывалась жизнь, старый девиз: «Будь готов изменить свои цели, но никогда не меняй свои ценности», оставался непреложным для нее, как и клятва Гиппократы. После взрыва башен-близнецов 11 сентября 2001 года Каталина Чердак многое поняла: терроризм стал разменной картой, под него стали упаковывать любые захватнические планы. Она не забыла, как просматривала в ЦРУ учебные материалы по катастрофе 1983 года, когда на Волге пролет моста срезал верхнюю палубу теплохода «Александр Суворов» и более двухсот человек были превращены бетонной фермой в мясной фарш. С этой диверсии началось великое уничтожение Советского Союза, теперь, по всем предварительным данным, готовилась диверсия во сто раз страшнее. Вот почему допустить по чьему-то указанию или произволу ядерный взрыв в самом уязви-

мом месте, где гибель сотен тысяч людей неминуема, она не могла. И последнее: она прекрасно понимала, что русским это не нужно, стало быть, кому-то это нужно против русских. Соединенные Штаты для нее были близкой страной, второй родиной. Но, поняв, как далеко зашли планы ее бывших соратников, она, не зная поговорок: «за державу обидно», чувствовала что-то подобное. И причиной тому был Самарин. Встреча с ним, его борьба и мужество потрясли. Сейчас все пережитое там, в камере, привело её в сильнейшее возбуждение. Она чувствовала, как у нее трясутся руки. Чтобы успокоиться, она вытащила из сумки сигареты и на ходу закурила.

Машину она оставила метров за двести от опорного пункта и теперь не шла, а летела к ней, чтобы поскорее вернуться в Прин, к Маркову. Если бы она знала, что за время их беседы с Самариным люди Брауна, на всякий случай, вмонтировали в ее «Мини-Купер» прослушку, она не совершила бы последовавшую роковую ошибку. Каталина так была взволнована, так торопилась не упустить ни на секунду Вадима, что прямо из машины позвонила ему на мобильный телефон. Марков ответил по-русски: «Я слушаю», — и этого было достаточно, чтобы «прослушка» сработала.

— Мой дорогой, я только что освободилась, — взволнованно говорила она, — мне срочно нужно видеть тебя. Срочно!

Волнение передалось и Маркову. Он перешел на английский и торопливо ответил:

— Хорошо, я готов. Где увидимся?

— В нашем кафе.

— Когда?

— Я постараюсь. Может быть, через час с небольшим. Будь там.

— Хорошо, дорогая. Я буду ждать тебя.

Каталина завела машину и с места в карьер погнала в Прин. Но уже через минут десять на хвосте у «Мини-Купера» сидела «Ауди» с Брауном, Крэгом и еще одним сотрудником ЦРУ. На каком бы почтительном расстоянии ни держались преследователи и как ни взволнована была доктор Чердак, но вскоре она заметила погоню. Каталина прибавила скорость, но ее «малютка» не могла оторваться от скоростной машины преследователей. Лихорадочно соображая, ка-

кую ошибку она совершила и что предпринять, она механически стала прощупывать места в машине, где могло быть вмонтировано подслушивающее устройство. Нет, на ходу это сделать было невозможно. Тогда она стала проверять себя, не была ли совершена ошибка при встрече с Самариным? Наконец решила, что была еще какая-то камера, которую она не заметила. Последнее предположение ей показалось наиболее правдоподобным. «Значит, они все видели, — размышляла она, — и все благодарности Крэга всего лишь видимость». Вдруг она отчетливо поняла, какому риску теперь после звонка и договоренности о встрече подвергает Маркова. «Что же делать?» — думала она, ни на секунду не выпуская из видимости машину преследователей. Наконец появилось решение. Зная расписание катеров на остров, она решила переназначить встречу в ресторане, где была небольшая интимная комната, снимавшаяся директором клиники для переговоров или позднего застолья, когда ресторан уже не работал. Марков знал об этом помещении еще с тех пор, когда она делала ему операцию. Приняв решение встретиться, она перезвонила ему и фривольным голосом стала назначать свидание в «их гнездышке», где они однажды прекрасно провели время. По характеру разговора Марков догадался, что Каталина чего-то опасается и поэтому говорит в таком развязном тоне. Он согласился на встречу, но на всякий случай решил взять с собой Дороффа.

Приехав в Прин, Каталина для отвода глаз покружила по городу и подъехала к пристани в самый последний момент, когда уходил катер. Бросив машину у самой пристани, она побежала к катеру, который уже собирался отчаливать. Влетев на палубу и увидев краем глаза, как на берегу заматались обманутые преследователи, она так обрадовалась, что возомнила себя победительницей. Каталина спустилась в маленький бар, выпила чистое виски и, устроившись на палубе, наконец-то закурила. Посмотрев на часы, она решила, что Марков уже должен быть на месте. С ним ей было не так страшно. Можно было уйти и спрятаться в малодоступной части острова или выйти на другую сторону и вернуться попозже с попутной лодкой в город. А дальше она сделает звонок в ЦРУ своему старому приятелю, и Браун и его компания от нее отвязнутся.

Но когда она увидела, что в ресторане Маркова нет, она не на шутку перепугалась. Попросив давно знакомого бармена, чтобы о её приезде не знал никто, кроме Маркова, она направилась по коридору в условленное место и, только наглухо закрыв дверь и проверив замок, слегка успокоилась. Теперь можно было расслабиться. Она взяла из бара виски, достала лед из холодильника и стала ножом отчаянно его крошить. Налив в стакан со льдом виски, она сделала большой глоток и посмотрела на часы. По расписанию следующий катер должен был прийти через полчаса. Ноги у нее буквально подкашивались. Тогда она достала из нижнего отделения шкафа плед, легла на диван и закуталась с головой. Через несколько минут что-то вроде забытья сковало ее тело. Ей казалось, что она все слышит и все контролирует. Тем временем бармен под дулом пистолета уже вел к её комнате Брауна и еще одного сотрудника ЦРУ с чемоданчиком в руках. Они нашли частного с катером и сумели переправиться вслед за Каталиной. У самой двери Браун что-то шепнул бармену, и тот, постучав, сообщил, что Марков ждет ее в ресторане.

— Нет, Фриц, — ответила она по-немецки, — я не буду выходить. Пусть он незаметно придет сюда.

Посмотрев на часы и поняв, что катер еще не мог прийти и, стало быть, Марков переправился подручным средством, она добавила:

— Скажи, чтобы не терял время и пришел сюда как можно быстрее.

Браун опять шепнул что-то Фрицу, и тот громко воскликнул:

— Каталина, вот он! Марков идет по коридору, открывай дверь.

Каталина не могла не поверить старому знакомому и быстро стала отпирать дверь. В одно мгновение спутник Брауна приготовил тампон и, как только дверь распахнулась, он, как удав, ловким движением схватил голову Каталины и зажал тампоном рот и нос. Она из последних сил попыталась нанести ногой удар в пах, но тренированный цэрэушник закрылся от удара коленкой. Схватив терявшую сознание Каталину под руки, цэрэушник потащил ее на диван. В это время вошедший следом Браун, пропустив вперед насмерть перепуганного Фрица, незаметно поднял упавший в суете тампон и без труда вы-

рубил несчастного бармена. Быстро обыскав Каталину и ничего не найдя подозрительного, цэрэушник стал раздевать её догола. В это время Браун подтащил к дивану уже потерявшего сознание бармена, аккуратно вливая ему в рот виски из оставленной Каталиной бутылки. Недопитый стакан Каталины Браун вложил в руку бармена и стиснул так, чтобы остались следы. Было видно, что они действовали по заранее оговоренному сценарию, хотя нервы у обоих были на пределе. Это почувствовалось, когда цэрэушник стал делать Каталине укол и никак не мог попасть в вену. Наконец шприц окрасился в розовый цвет и быстро стал пустеть. С барменом, которого Браун тоже предварительно раздел, было легче. В жилистую руку Фрица укол был сделан с первого раза. Мужчину и женщину голыми положили рядом и накрыли пледом. Потом стали искать ключ от комнаты, который Каталина, доставая из холодильника лед, выронила во фризерную камеру. Неожиданно появился запыхавшийся Крэг и в дверях стал беззвучно жестикулировать, указывая на опасность, исходящую из коридора. Все трое выскочили из комнаты и бросились в противоположную сторону, где был запасной выход во двор ресторана, там в теплое время размещались столы для посетителей, желающих веселиться на свежем воздухе. Трое мужчин проскочили мимо пустых столов и через незакрытую калитку уже спокойнее вышли на дорожку в большой парк, окружающий ресторан. Незадолго до этого пошел дождь, и в парке народу практически не было.

Марков в сопровождении Дорроффа прибыл по расписанию со следующим катером. Бегло просмотрев зал, чтобы узнать, не появлялась ли Каталина, и не найдя бармена, они пошли в сторону коридора, где в глубине находилась знакомая Маркову комната. Марков почему-то был уверен, что Каталина не могла на своей «малютке» добраться раньше его. Только странное поведение пожилого господина, кинувшегося в коридор при виде Маркова, его насторожило, и он дал знак Дорроффу прибавить шаг. Войдя в коридор, они увидели спины убежавших мужчин. Почувствовав неладное, Марков влетел в комнату и, сорвав плед, увидел обнаженных Каталину и бармена. Оба были без сознания, но еще живы. Инстинктивно махнув Дорроффу бе-

жать вслед за скрывшимися мужчинами, Марков склонился над Каталиной и стал приводить её в чувство. Ничего не помогало. Лица лежащих все больше наливались каким-то темно-красным цветом, а дыхание становилось учащенным и хриплым. Все эти симптомы Марков уже видел в тот день, когда Каталина спасала академика Бореева. Поискав глазами, нет ли хоть чего-нибудь из спасительных средств, он остановил свой взгляд на полупустом графине с водой. Намочив край пледа, Марков приложил его к лицу Каталины. В этот момент вбежал растерянный Доррофф и закричал:

— Убежали! Нужно вызывать полицию! Прочесать парк!

— Какую полицию, вызывай скорую помощь! Посмотри, они оба умирают.

Доррофф на секунду наклонился над распростертыми телами, бросился к телефону на журнальном столике. Марков, подхватив рукой голову Каталины, высоко поднял ее и вылил остатки воды на её лоб и голову. Неожиданно она открыла глаза и что-то попыталась ему сказать.

— Каталина! Каталина! — повторял он. — Скажи что-нибудь, Каталина! — продолжал взывать Марков, стараясь держать ее голову выше. — Скорую, скорую, — изо всех сил крикнул он Дорроффу, не замечая, что тот уже вызывает неотложку.

Вдруг он заметил, что ее рука двинулась, остановилась на медальоне и, зажав его, замерла. Видно было по лицу, что она силится что-то объяснить, но не может. Но уже через мгновение лицо ее стало быстро бледнеть, тяжелая судорога прошла по телу, и тут же Марков инстинктивно почувствовал, что жизнь покидает её. Он стал медленно опускать голову Каталины и невольно посмотрел в сторону бармена. Тот уже был мертв. Через мгновение он почувствовал, что не стало и Каталины.

Понимая, что вскоре появятся люди, он попробовал прикрыть оба тела пледом, но вскинутая рука Каталины, сжавшая медальон, мешала. Тогда он разжал руку и, аккуратно сняв медальон, прикрыл пледом обоих. Какое-то мгновение он сидел рядом, стараясь хоть как-то понять, что теперь делать. Он уже хотел положить медальон в карман, как вдруг его что-то остановило. Он присмотрелся к этой странной вещи, последней

побывавшей в руках умершей, и вдруг без каких-либо с его стороны усилий медальон раскрылся. В нем была записка: «Самарин — Маркову! Готовится взрыв (ядерный). Предположительно: центр Москвы — метро «Тверская», «Пушкинская». Скоро! Следующий взрыв...» Позже Марков понял, что медальон никогда бы не раскрылся, если бы этого не успела сделать рука Каталины. Именно ее воля стала главной причиной дальнейших событий.

Марков позвонил Радову, когда у того шло совещание. Тот принимал кипрскую делегацию и ни на какие звонки не отвечал. Однако Марков настаивал, чтобы Наташа его срочно связала со Львом Георгиевичем. Секретарь Радова Наташа пообещала Маркову, что доложит заместителю Радова Серову и тот попробует «подключить» шефа. Серов перезвонил Маркову и, узнав, в чем дело, решительно направился в зал, где проходили переговоры, и передал записку о срочном звонке из Германии. Радов тут же включил мобильный телефон. Когда Марков, наконец, дозвонился, Радов на отличном греческом языке общался с премьер-министром Кипра, который настаивал на преференциях в одной внешнеэкономической сделке. Слушая Маркова, его глаза стали темнеть и округляться. Узнав об убийстве доктора Чердак и записке Самарина, он извинился и, сославшись на важность полученной информации, попросил кипрского премьера продолжить заключительную фазу переговоров со своим заместителем Серовым, после чего сразу направился к мэру и коротко доложил обо всем, что сообщил ему Марков.

Мэр с пониманием отнесся ко всей информации, но заметил, что этого мало, чтобы выходить на самый верх.

— Вы знаете, сколько сигналов по взрывам тех или иных объектов поступает к нам в месяц?

Мэр назвал невероятную цифру и подытожил:

— Кроме видений уважаемого профессора, мне нужны дополнительные факты и неопровержимые доказательства. Однако я дам распоряжение московской милиции усилить охрану в метро и в частности на «Пушкинской» и «Тверской». И, тем не менее, вам, Лев Георгиевич, я не запрещаю действовать самостоя-

тельно. У вас ведь есть выход на правительство. Свяжитесь с ФСБ, с вашим Смирновым и решите, на кого в правительстве выходить. Пусть сообщение из Германии будет на контроле.

Радов был человеком команды и, получив условное добро, больше не стал отвлекать мэра своей персоной. Он направился в кабинет, куда попросил Маркова по факсу отправить записку Самарина.

После разговора с мэром Радов вспомнил, что и сам примерно так же ответил Маркову, когда тот позвонил.

На вопрос Маркова, не достаточно ли содержания записки, Радов объяснил:

— Этого мало! Мне могут попросту не поверить. Не исключено, что потребуются дополнительная информация, вплоть до идентификации почерка.

Получив, наконец, через некоторое время ксерокопию записки Самарина, Радов позвонил в ФСБ генералу Смирнову. Рассказав об убийстве доктора Чердак и полученной от Самарина записки, Радов попросил генерала ответить на два вопроса:

— Есть ли дополнительные сведения по «украинскому делу» и достаточно ли в совокупности всей информации, чтобы докладывать обо всем выше?

— У нас все готово, — энергично сообщил генерал Смирнов, — доставленный из Украины солдат дал показания, по этим сведениям проведена дополнительная работа, так что картина нам понятна, но без своего шефа я не имею права с кем-либо встречаться из руководства страной. А шеф с делегацией находится в Китае.

— В таком случае, позвоните в Китай и получите разрешение на такую встречу. Виктор Сергеевич, вы же понимаете, что дорога каждая минута. Москва может взлететь, и начнется то, чего так ждут инициаторы всей этой провокации.

— Я все понимаю, Лев Георгиевич. Но у меня кроме шефа еще три начальника. Узнают, что я пошел напролом, потом покажут небо в алмазах. Правда, первому заму я вчера по «украинскому делу» обо всем докладывал... Он остался доволен...

Радов чувствовал, как Смирнов пытается найти выход из создавшегося положения, недаром генерал вспомнил то, о чем Радов забыл.

— Кстати, сегодня у президента будет совещание с постоянными членами Совета безопасности. Если успеть до встречи повидать кого-нибудь из правительства, не исключено, что на Совете безопасности могут принять решение по этому делу.

— Хорошо, Виктор Сергеевич, если мне удастся до Совета безопасности договориться о встрече с премьером, вы поедете со мной?

— Поеду, Лев Георгиевич, где наша не пропадала. Если договоритесь, я со всей документацией готов для срочного доклада.

— Хорошо, я вам перезвоню.

Радов положил трубку и сосредоточился. Только бы он был на месте, мелькнуло в голове, а рука уже набирала номер телефона председателя правительства. На другом конце раздался знакомый голос.

Радов представился и тотчас услышал:

— Вы звоните редко, и, как правило, у вас что-то экстраординарное. Что случилось?

— Я не могу все сказать по телефону, господин председатель. Необходимо представить вам документы, факты и оперативные сведения, которые у нас есть и которые мы готовы вам предоставить.

— Кто это «мы»?

— Мне и генералу ФСБ Смирнову необходимо десять минут, чтобы доложить вам о готовящемся ядерном террористическом взрыве в центре Москвы.

— Вы отдадите себе отчет в том, что говорите? — резко спросил председатель правительства.

— Да, отдаю и прошу вас до совещания с постоянными членами безопасности принять нас со Смирновым на десять минут.

— Этого еще не хватало. — Несколько секунд на другом конце провода молчали. — Когда вы можете быть у меня? — спросил премьер.

— Это зависит от вас.

— Тогда приезжайте немедленно. Пропуск вам и генералу Смирнову будет заказан.

Через некоторое время с разных сторон Москвы к Белому дому неслись две черные «Волги». В одной сидел Радов, в другой — генерал Смирнов. Когда они вошли в кабинет премьера, он говорил с президентом по телефону. Увидев Радова, премьер произнес:

— Ну вот, Радов уже у меня. Я вам все доло-

жу по завершении встречи. — Премьер положил трубку, встал из-за стола и, взяв свой блокнот, предложил всем сесть за стол переговоров; по правую руку от хозяина кабинета сел генерал Смирнов, по левую — Радов.

— Лев Георгиевич, вы настолько меня озадачили, что я срочно сообщил президенту о вашей «ядерной» информации.

Премьер взглянул на часы и с мягкой интонацией предложил кому-то из них изложить суть дела.

Смирнов переглянулся с Радовым и дал понять, чтобы первым докладывал Радов.

— Две недели назад, — начал Радов, — исчез политолог Алексей Петрович Самарин.

— Мне об этом докладывали. — Премьер посмотрел на генерала и добавил: — Знаю, что идет работа по этому факту.

Смирнов согласно кивнул, но ничего не добавил.

— Вместе с политологом исчезла рукопись из подведомственного нам издательства. Это было профессионально выполненное ночное проникновение в здание издательства, после чего сотрудники поняли, что воров интересовала только рукопись.

— Копия не сохранилась? — перебил премьер. — Я бы с удовольствием познакомился с самаринским взглядом на текущую политику.

— Ни одной копии на сегодняшний момент нет. В издательстве исчезли рукопись, компьютерный набор и дискетка. Правда, перед тем как исчезла рукопись, в «Московском комсомольце» появилось интервью Самарина, где он касался содержания книги.

— Но интервью, надеюсь, сохранилось? — с нарастающим недовольством спросил премьер.

Смирнов тут же открыл вестительную папку и положил вырезку из газеты перед премьером. Премьер пробежал глазами содержание и заметил:

— Интервью большое и, по всей видимости, кого-то задело. Но пока я не вижу связи всего случившегося с возможным, как вы, Лев Георгиевич, сообщали, ядерным террористическим актом.

— Разрешите продолжить? — твердо сказал Радов.

— Конечно-конечно, только если можно, точ-

нее и по существу. — Премьер взглянул на настенные часы и настроился слушать.

— Самарин оказался в Германии, по всей видимости, под Мюнхеном. А в США в эти же дни была проведена акция по его шельмованию.

— Кто это сделал? — опять перебил премьер.

— Мы убеждены, что это работа ЦРУ.

— У вас есть доказательства?

— Да, они есть, но об этом, если позволите, чуть позже.

Премьер согласно кивнул.

— Для шельмования они выбрали неудачного исполнителя — академика Борева. В своем выступлении Борева характеризовал Самарина как видного ученого и талантливого политолога. Однако все выступление Борева было переименовано и представлено по американскому телевидению как выступление против Самарина. Мы вместе с послом России в Германии пригласили Борева в город Прин, чтобы академик выступил на конференции и в прямом эфире защитил Самарина.

— С вашей точки зрения, что не устраивало ЦРУ в книге и интервью нашего политолога?

Радов предельно сосредоточился и вдруг сказал просто и от этого совершенно убедительно.

— Наши американские партнеры готовят очередную гадость, а Самарин, обладающий безусловным даром предвидения, об этом сообщил.

— Открытым текстом? — иронично спросил премьер.

— Нет, вначале достаточно зашифрованно, но этого хватило, чтобы оказаться вначале на Украине, а затем в Германии.

— Ай да ЦРУ, — воскликнул гневно премьер, глядя на генерала Смирнова, — прямо из-под носа умыкнули у нас головастого Самарина, а наши две недели не могли понять, откуда ветер дует. Надо было, чтобы к этому подключился Радов, чтобы ФСБ поняло, наконец, серьезность происходящего. Где ваше начальство? — в упор спросил премьер Смирнова.

— Начальство в Китае, но работа по этому делу не прекращалась ни на минуту. Вчера я докладывал все первому заму, и только появление срочной информации заставило просить вас о встрече.

— Что за информация? О ядерном взрыве? —

спросил премьер, теперь уже в упор глядя на Радова.

Радов достал из внутреннего кармана листок бумаги, развернул его и протянул премьеру. Премьер внимательно посмотрел на текст и даже повторил его.

— Кто это прислал?

— Это прислал Вадим Борисович Марков.

— Это какой Марков? Тот, который с вами отличился в истории с Горьковской ГЭС?

— Тот самый, господин премьер.

— Так чего вы молчали? Надо было сразу сказать, что с вами работает в связке Марков. Он тоже считает, что готовится ядерный взрыв?

— Марков сейчас находится на излечении в городе Прине, — спокойно сообщил Радов, — и именно его лечащий врач — доктор Чердак — была у Самарина и ценою жизни сумела доставить эту записку Маркову.

— А что с ней произошло?

— Ее убили сразу после встречи с Самариним.

— Вот как. Жаль. Очень жаль.

Премьер помолчал и неожиданно встал из-за стола.

— Значит, Самарин предостерегает о возможной серии ядерных терактов, мы об этом знаем, но что это за ядерные устройства, знают только американцы.

Радов заметил, как напрягся Смирнов, и понял, что сейчас пойдет разговор об «украинском деле».

Генерал Смирнов развернулся в сторону премьера и стал докладывать.

— У нас есть точные данные о том, что в канун взрывов на складах боеприпасов в городе Лозенске были украдены две 240-мм ядерные мины под № ЗБВ2 для буксируемых минометов и самоходных «Тюльпанов» и один 202-мм ядерный снаряд для самоходных «Акаций».

— Откуда эти сведения? — взволнованно спросил премьер.

— Нами на Украине была проведена успешная операция. Трое солдат, охранявших военные склады накануне взрывов, оказались пособниками вот этих террористов, — с этими словами генерал достал из папки два фоторобота. Премьер внимательно посмотрел на портреты и продолжил:

— Кто дал фотороботы террористов?

— Один из оставшихся в живых дезертиров, которого благодаря великолепной работе нашего агента удалось вывезти к нам. Сейчас этот дезертир продолжает давать показания, но в целом вся картина увязывается в единое целое. Вот почему мы, минуя начальство, решили доложить вам наши выводы.

— Вы что-нибудь хотите добавить, дорогой Лев Георгиевич?

— Виктор Сергеевич доложил о великолепной работе нашего агента на Украине, так вот этим агентом был сын Вадима Борисовича Маркова — Кирилл. Он перевелся к нам из Благовещенска. Там он вначале занимался китайской мафией, затем был заместителем прокурора. Мы сочли возможным определить его для начала в московский следственный отдел. Затем именно его Виктор Сергеевич выбрал для проведения этой операции.

— Но ведь он к нашему ФСБ не относится? Не так ли, Виктор Сергеевич?

— Мы не хотели рисковать и послали никому не известного в наших кругах человека. Это оправдало себя.

— А кто у нас в ФСБ занимается «китайскими структурами»?

— Сейчас занимается Кравцов.

— Как Кравцов работает?

— Работает старательно.

— Куда уж старательно. Весь Арбат завален бюстами президента России и председателя правительства. Причем глаза у русских руководителей почему-то раскосые, а бюсты напоминают китайских болванчиков. — Во время этой тирады премьер направился к столу с телефонами.

— Я ведь спрашиваю еще и потому, — бросил он на ходу, — что надо понять, по какому ведомству таких, как младший Марков, награждать.

Премьер взял трубку и стал отдавать приказания:

— Срочно свяжите меня с директором ФСБ, он сейчас в Китае. Затем с мэром Москвы и с министром внутренних дел.

Премьер вернулся к Радову и Смирнову, крепко пожал им руки и, посмотрев на часы, сказал:

— Мужики, я бы с вами еще посидел, но вы понимаете, что мы можем в любой момент получить такое, что мало не покажется. Поэтому спа-

сибо вам за службу, держим связь, а я поеду обо всем докладывать президенту.

Премьер взял со стола фотороботы террористов, записку Самарина и положил в свою папку. Он проводил Радова и Смирнова до дверей и еще раз дружески попрощался.

* * *

Этих двух дагестанцев звали Ахметами. Чтобы их не путать, вербовочное начальство присвоило им клички: большого звали Кувалда, меньшего — Молоток. Завербовали их там же, в Дагестане. Кувалда был из Дербента. Долгое время работал охранником в школе, но из-за неуживчивого характера поссорился с директором — азербайджанцем и был уволен по статье. Жалобы городскому начальству не помогли. Охранник обозлился и стал легкой добычей преступного мира. Вскоре попался на мелочи — перепродаже ворованного барахла. На первый раз, благодаря новым друзьям, отпустили. За помощь пришлось благодарить. Вскоре подался в горы и примкнул к бандформированию. У Молотка история была другой. Он был вышибалой в махачкалинском ресторане. Приторговывал травкой и ночной продажей спиртного. Хотел открыть свой кабац, под это одолжил денег, но не смог вернуть. Сбежал из Махачкалы и вскоре примкнул к небольшому отряду преступников-нелегалов. Там же, в Дагестане, на одной из уцелевших баз обоих Ахметов обучали в течение трех месяцев взрывному делу, стрельбе и самообороне. На Украину в Лозенск их перебросили окольными дорогами через Белгород. Помыкавшись в Лозенске неделю, они сумели найти подходы к охране военного склада. В конце недели, подкупив охрану за долларовую наличку и не сумев до конца зачистить свидетелей, они ринулись в Россию и приступили к выполнению второй части плана.

В Москву добирались через Брянск. Здесь их засекла дорожная милиция, случайно обнаружившая украденные со склада ядерные снаряд и мины. Три разрушительные «игрушки» были уложены на дне ящиков с инструментами. Милиция осмотрела груз, но не догадалась о наличии двойного дна. Документы у дагестанцев были в порядке, оформлены на строительную фир-

му «Стройдеталь», числившуюся в Московской области, в Одинцово.

Ехали они на старой «Ниве», чтобы в любой момент можно было свернуть с большой дороги на неприметную колею, большинство из которых они изучили еще на базе. В Москву проскочили через Тульскую область. Ехали осторожно. Около Москвы нырнули в громадную пробку на МКД, а затем через Царицыно «просочились» в указанный район, где спрятали «Ниву» с грузом в одном из старых гаражей, с подвальным помещением для нелегалов. В Москве получили деньги, оружие, дополнительные инструкции... Как и условились, передали две «ядерные игрушки» по назначению, а третью оставили для работы в Москве. На следующий день приступили к изучению обстановки.

* * *

Сразу после заседания Совета по безопасности президент переговорил с мэром Москвы. Оба отметили, что «Пушкинская», где уже был совершен террористический акт, вновь становится объектом для нападения. Было принято решение об усилении охраны центра города и связки — метро «Тверская» и «Пушкинская». На следующий день рано утром к этим станциям, чтобы сузить проходы, потянулся строительный транспорт. К десяти часам все подходы контролировались оперативными группами ФСБ и МВД. Дополнительные видеокамеры установили ночью. Они держали под контролем все переходы. Людей с крупным грузом проверяли на ходу или задерживали на досмотр.

Кувалда и Молоток потерялись неподалеку от этих станций и поняли, что со стороны города пройти незаметно с их грузом в метро не получится. Оставались запасные планы — вербовка кого-нибудь из метростроителей или, на худой конец, использование ядерного снаряда через «вентиляционную шахту». Из-за неэффективности последнего варианта руководство операции рекомендовало его только в крайнем случае.

Для вербовки нужен был метростроитель не только с «допуском», но желательно из бригад «Служба пути» или «Служба туннельных сооружений». Для поиска нужного человека выбрали мотодепо «Филевский парк». Непо-

далеку было много забегаловок, радиорынок, барахолка, да и в парке легче было прятаться от назойливой милиции.

Для Кувалды и Молотка наступили самые ответственные и решающие дни. Ночная работа метростроителей начиналась в два тридцать ночи, когда снималось электрическое напряжение, и продолжалась до половины пятого. Ночи напролет бандиты шатались неподалеку от мотодепо, чтобы найти нужного человека. Наконец клюнуло. Однажды под утро после смены преступники заметили одного парня из мотодепо, который присел выпить пива, видимо заготовленного еще до смены. Прикинувшись загулявшими с вечера работниками парка, они предложили Сергею Полетаеву хорошего коньяку, бутерброды и вскоре напоили его до неменяемого состояния. Полетаев был как раз из бригады «Служба туннельных сооружений», работал на дрезине и имел право возить все. В пьяном разговоре выяснилось, что их новый знакомый два раза в неделю засыпает щебенкой межпутье в туннеле станции «Тверская». Все последующие дни новоявленные друзья не расставались. Они усердно угощали Полетаева после работы, а ночью, отрываясь от «дел в парке», провожали своего нового друга до заветной дрезины, сажали на рабочее место и следили, как он проходил милицейский контроль и заезжал в туннель.

Полетаев жил в коммунальной квартире, был разведен. Денег ему хватало, если бы не частые возлияния. Постепенно Сергей влез в долги, стал перехватывать деньги у соседей, товарищей по работе и, наконец, задолжал приличную сумму. Новые знакомые, узнав о денежной проблеме своего приятеля, выручили. Дали в долг «зелененькие» без расписки на неопределенный срок. Это еще больше сблизило их. За день до смены в туннеле станции «Тверская» Сергей потерял мобильный телефон. Случилось это, когда его новые знакомые ненадолго отлучились по работе, а он заснул прямо на скамейке. Когда друзья вернулись, Сергей пожаловался, что у него пропал телефон.

— Не иначе здешние пацаны тебя обчистили, Серый, — уверенно врал Кувалда, укравший у Полетаева мобильный, — поймаем, голову отвернем. А пока я тебе на время свой запасной дам. Завтра перед сменой принесу «Нокию».

Полетаев так расстроился, что наотрез отказал-

ся от дальнейшей выпивки. Договорившись о встрече на следующий день, друзья расстались. По дороге Полетаев никак не мог смириться с пропажей. Телефон был дорогим, с разнымиavorотами и номерами друзей и знакомых. Он долго ходил по парку, выискивая предполагаемых похитителей. День уже разгулялся, а Полетаев продолжал выслеживать здешнее хулиганье. В конце парка был милицейский пост, и он решил на всякий случай пожаловаться милиции.

Дежурный лейтенант внимательно выслушал заявителя, скептически пожал плечами — «мол, вряд ли такие пропажи возвращаются», но, тем не менее, положил перед ним лист бумаги и предложил описать, какой модели телефон и при каких обстоятельствах исчез. Сергей пристроился с бумагой за соседним столом, прикинул, с чего начать жалобу, и поискал на стене образец. Неожиданно его взгляд приковали фотографии преступников, объявленных в розыск. Каково же было его удивление, когда он узнал своих новых знакомых — Андрея и Халила. О каждом из них было написано такое, что он сразу не только окончательно протрезвел, но и до ужаса перепугался. До него сразу дошло, что, взяв у бандитов в долг крупную сумму и напропалую гуляя с ними неделю, он невольно стал сообщником разыскиваемых бандитов. В момент этих размышлений лейтенант повернулся в сторону Сергея и, заметив странное выражение лица у заявителя, спросил:

— Что, знакомое лицо увидел?

Полетаев не сказал ни слова, только кивнул, и этого было достаточно.

— Кого из них ты знаешь? — строго спросил лейтенант.

Сергей пальцем указал на две крайние фотографии и добавил:

— Их зовут Андрей и Халил. Работают здесь, неподалеку...

Сказав «неподалеку», Полетаев соврал. Он ведь знал, что его новые дружки — охранники Филевского парка. И соврал не случайно! Полетаев внезапно понял, в какой переплет он попадает. «Теперь, если не эти, — он посмотрел в сторону лейтенанта, — то те, — взгляд его остановился на фотографиях Андрея и Халила, — с ним рассчитаются так, что мало не покажется».

Получив информацию о столь важных преступниках, лейтенант чуть не подпрыгнул от ра-

дости. Он засиял, сделался пунцовым от предвкушения успеха и бросился в другую комнату звонить, на секунду оставив Полетаева без присмотра. Этого было достаточно, чтобы тот в одно мгновение вылетел из милицейского пункта и стремглав понесся в людное место, где тотчас затерялся в толпе. Лейтенант, бросив трубку, выбежал наружу, метнулся в одну сторону, потом — в другую, но неожиданного свидетеля уже и след простыл. Чертыхаясь и матерясь, лейтенант вернулся к брошенной трубке и пересохшим ртом стал объяснять, что, пока он докладывал, «жалобщик» сбежал. На вопрос: «Ну хоть видеокamera у вас работает?» — молоденький лейтенант, просияв, звонким голосом отпартовал, что с «видешником» все в порядке.

Через десять минут у милицейского поста появилась машина с сотрудниками, отвечавшими за антитеррористическую операцию «Туннель». Просмотрев кусок пленки, где был зафиксирован Полетаев, сотрудники забрали материал, и вскоре фотографии Полетаева были у всех сотрудников, причастных к операции. Мало того, по специальному распоряжению к поискам Полетаева подключили МВД и еще невиданное до сих пор количество людей. Полетаева искали в Филевском парке и в ближайших от него учреждениях, в кафе и магазинах, искали на барахолке, базаре и начали рыться в картотеке метро. Работа кипела, но результатов пока не было.

Генерал Смирнов договорился с начальством Кирилла и включил его в операцию «Туннель». Ему нужен был сотрудник, знавший всю канву происходящих событий. К тому же Смирнов за период знакомства с Кириллом Марковым не только стал доверять молодому следователю, но и привлек его в свою команду как своеобразный талисман. Подобное отношение было неслучайным. С годами у генерала появились взамен старых ценностей — новые. Приходили они постепенно. И работа эта была непростой. Когда ему и его единомышленникам стало понятно, что мир внезапно оказался по другую сторону морального кодекса строителя коммунизма, генерал не стал выслуживаться перед новым начальством, а продолжал, как и прежде, делать свое дело, искать в новом крупинку здравого смысла, увлекся литературой, любимым Булгаковым с его Волондом и пятью доказательствами суще-

ствования Бога и постепенно открыл для себя некоторые нравственные ценности, которые стали незаметно, но весьма существенно помогать в работе. Так, например, для него стало понятно кантовское утверждение, что «верить в Бога не только возможно, но и необходимо, так как без веры невозможно примирить требования нравственного сознания с фактом зла, царящего в человеческой жизни». С годами вера стала двигать его и по служебной лестнице; появились порядочные друзья, в том числе и Лев Радов, которого генерал очень любил за, как он выражался, «одухотворенный характер». Поэтому появление молодого Маркова Смирнов считал неслучайным фактом. Он прекрасно помнил, что именно Кирилл вывел ФСБ на верный след и что без него вряд ли удалось бы провести работу по «украинскому военному складу». Кирилл решил действовать самостоятельно. Работа в Благовещенске кое-чему его научила. Он не стал бегать по разным точкам и тыкать фотографии случайным людям, вызывая у них раздражение, а поехал к тому лейтенанту и подробно поговорил с ним. Выяснилось, что «жалобщик», по свидетельству лейтенанта, был подшофе и от него несло приличным перегаром. Тогда Кирилл сузил поиски до местных завсегдаев кафе и филевских бомжей. В нескольких кафе по его просьбе «прописали» сотрудников МВД, которые уже с утра занимали места за столиком, высматривая лицо с фотографии. Не обошлось и без казусов. В одном из кафе «ретивые головы» для удобства попросили управительницу повесить объявление, что нет воды, и тем самым снизить поток посетителей. Словом, работа по поиску дагестанцев шла, но результатов не давала. В таких случаях Кирилл считал, что не хватает везения, и еще больше отдавался работе.

В это же время, но на два часа раньше по европейскому времени, в городе Прине двое пациентов клиники Вайса смотрели в своих палатах одну и ту же телепередачу по СНН из Европарламента. Это были генерал Рейс, не находящий себе места в ожидании московской «акции», и Марков, второй день находившийся в больнице. В передаче ничего не было существ-

венного, до момента выступления одного известного представителя из Италии. Появление на трибуне этого парламентаря внесло оживление в зале. К удивлению присутствующих, он стал говорить на английском, так что многие отложили наушники. С первых слов участников заседания приковала манера выступления этого оратора. Поставленный голос, решительный характер и нескрываемая ирония мгновенно подогрели интерес аудитории.

— Совершенно очевидно, что кризис не заканчивается, но только начинается, — начал оратор. — И хоть некоторые из «двадцатки» готовы говорить о шампанском, предполагая, что мы прошли низшую фазу кризиса, но это далеко не так. Больше того, это совсем не так. На самом деле реального рецепта выхода из сложившейся ситуации ни у кого нет. И причина здесь в том, что никто не знает, как сегодня работает печатный станок. Сколько фантомных денег и реальных размеров деривативов разошлось по свету за последние годы. Эти виртуальные деньги уже двадцать лет, как заблокировали работу мировой финансовой системы. Европа, конечно, счастлива, что такой артистичный и многообещающий человек, как президент США Барак Обама, возглавил сообщество в борьбе с мировым кризисом. Нет дня, чтобы из Америки не сыпались рецепты и пожелания. Но в нынешней ситуации Америка не в состоянии принимать решения в одиночку и действовать самостоятельно. Америка вынуждена считаться с остальным миром, и в особенности с Китаем, поскольку совершенно очевидно, что набирающий темп Китай становится в двадцать первом веке решающей силой. Для Европы сложившаяся ситуация означает окончательное крушение «лиссабонской стратегии». Итак, попытка Европы управлять ситуацией в мире по американскому примеру не удалась. Отныне интересы Европы и США не совпадают. Скажу откровеннее: ныне все предыдущие альянсы ставятся под сомнение. Совершенно очевидно, что нужна новая архитектура мира. Скажу еще откровеннее: лидеры разных стран — это собрание людей, которые своими руками сотворили весь этот кошмар. И надеяться, что они способны спасти нас, наивно.

В этом месте в аудитории раздались аплодис-

менты и стало шумно. Воодушевленный реакцией зала, оратор продолжил:

— Это все равно, что обратиться к поджигателям с просьбой тушить пожар.

На этот раз аплодировал практически весь зал.

— Вывод один: нужны новые люди, во всех странах нужна новая элита, которая сможет увидеть мир по-новому. Эта новая элита должна понять, что нельзя продолжать линию Барака Обамы. Перефинансирование обанкротившихся банков — это не выход. Покупать бывшие ценные бумаги — это абсурд. Чем всю эту самодетельность оплачивать? Запуском печатного станка? Уже печатаются десятки миллионов долларов. В свою очередь будут защищаться и евро, и юань, и рубль, и иена. В результате грянет всеобщая рецессия и гигантского масштаба инфляция. Выводы: опасность, которая предшествовала Второй мировой войне, очень велика. Тогда Америка была самым большим кредитором мира. Сейчас самая большая держава мира, имеющая самые мощные военные структуры, является самым большим должником. Причем должна она всему миру. Я заканчиваю. Нынешний кризис намного серьезнее предыдущего. Не надо забывать, что тогда, после депрессии, в 1939 году, началась война. Итак, нас ожидают долгие годы депрессии. Депрессия — depression — это подавление, подавленность. Это такая фаза капиталистического кризиса, которая отличается угнетенным состоянием экономики, сокращением производства, слабым спросом на товары, массовой безработицей, низким уровнем цен и т. д. Не исключено, что в этот трудный период у некоторых высокопоставленных чиновников может появиться соблазн решить ситуацию иными средствами. Эти горячие головы попытаются найти выход из депрессии, провоцируя очередной военный конфликт. Совершенно очевидно, что на этот раз подобная политика может обернуться третьей мировой войной.

Услышав последнюю тираду итальянского оратора, Рейс пришел в ярость. «Эти итальяшки всегда лезут не в свое дело, — раздраженно подумал он, — дать бы им по морде, чтобы заткнулись, как после Второй мировой войны, на которой, между прочим, они драпали при любом незначительном случае. Пусть лучше снимают фильмы и лечатся от комплексов, а не лезут в

большую политику. Развели, понимаешь, демократию. За тридцать лет — сто правительств. Лучше бы своему Берлускони спеленали одно место, без него ни одна желтая хроника не обходится». Чтобы успокоиться, Рейс решил повторно позвонить полковнику Тэлу, чтобы узнать новости из Москвы.

Но, услышав Тэла, генерал передумал и не стал распространяться на тему предстоящей операции. Однако Тэл понял волнение шефа и доложил бодрым голосом:

— Генерал, не могу не сообщить вам последние новости. Операция вступила в решающую фазу. Все идет по намеченному плану. Нет никаких оснований для волнения. Советую, мой дорогой шеф, расслабиться и отдохнуть. Дождем, когда операция будет закончена.

— Хорошо, Тэл, воспользуюсь вашим советом и пройду. Телефон со мной. Если будут малейшие отклонения от плана, звоните немедленно.

Тэл изучил привычку Рейса во всех ситуациях демонстрировать ответственность и поэтому не стал комментировать озабоченность шефа. В свою очередь и Рейс держал Тэла рядом многие годы неспроста, полковник умел не только неизменно быть преданным, подчеркивая значимость Рейса, но всегда с полуслова понимал его настроение.

«А почему действительно не расслабиться? — закончив разговор, решил генерал. — Чем сидеть в душной палате, не следует ли действительно пройтись, — уговаривал он себя, надевая куртку, подаренную женой, — заглянуть в какое-нибудь место, где можно пропустить стаканчик. Конечно, в одиночестве это не так приятно, но что поделать, если вокруг так много предателей, вроде этой коварной женщины». О докторе Чердак генерал в последние дни предпочитал не вспоминать. Особенно с тех пор, как по соседству появился этот русский. Рейсу все время казалось, что этот человек, выдающий себя за издателя, на самом деле выполняет здесь определенное задание. В какой-то момент он даже подумал, не приставлен ли товарищ Марков русским ФСБ, чтобы контролировать его. Но потом стало известно, что русский действительно в свое время был оперирован доктором Чердак, а сейчас, после её смерти, проходит реабилитационный курс у профессора Вайса.

Тем временем Марков, прослушав блестящее выступление итальянского депутата, тоже решил выйти погулять. Его весь день не покидало волнение, а к вечеру оно еще больше усилилось. Конечно, Марков не был подробно информирован, что происходило в Москве, но после гибели доктора Чердак и роковой записки Самарина его не оставляло подозрение, что он все больше становится участником какой-то «зловещей игры». Находясь под впечатлением от выступления итальянского депутата, он с радостью отметил, что, несмотря на всякие ухищрения политиков, мировое сообщество безошибочно чувствует, куда хотели бы повернуть вектор политики генералы, подобные Рейсу. Стоило ему об этом подумать, как, точно по заказу, из соседней палаты появилась уже знакомая фигура генерала. Они почти столкнулись лбами и вынуждены были поздороваться. Извинившись на английском, оба хотели разойтись, но неожиданно Рейсу пришла рискованная идея. Он любил подвергать себя испытаниям, проверять интуицию разведчика, находясь в самой непривычной ситуации. А то, что от Маркова исходила опасность, это генерал чувствовал стопроцентно.

— Сосед, — доброжелательным голосом обратился Рейс к Маркову, — вы не собираетесь пройтись к озеру?

— Именно это я и хочу сделать, — ответил Марков, словно только и ждал подобное предложение.

— Тогда давайте познакомимся. Моя фамилия Рейс. В этом богоугодном заведении подлечиваю печень.

— И как здешнее лечение сказало на этом органе? — продолжил на английском Марков.

— Кажется, неплохо. А если к тому же появилось желание выпить, то это свидетельствует только об одном — все худшее позади.

— Так в чем же загвоздка? Здесь по дороге много симпатичных мест, где можно отлично посидеть и поболтать.

— Вот именно, поболтать, — подхватил генерал.

Они вышли наружу и не торопясь пошли через парк в сторону озера. Из разных тем, которые они могли выбрать для разговора, оба выбрали ту, что их только что взволновала. Общим раздражителем неожиданно оказался итальянский евродепутат. Как только выяснилось, что они

смотрели одну и ту же передачу, разговор пошел оживленнее.

— Ну и что вы скажете о нем? — перешел в атаку Рейс.

Марков понимал, что надо быть предельно осторожным, поэтому решил маневрировать.

— Не знаю, как вы, но я очень далек от депутатских страстей.

— Да и я работаю в другой области, — смело заявил Рейс, быстро высчитав, что Чердак по негласному цэрэушному правилу вряд ли делилась с Марковым о его истинной профессии. К тому же генерал наивно предполагал, что на больничной койке его трудно заподозрить в каком-либо участии в событиях вокруг смерти доктора Чердак. Своим же сотрудникам через Тэла он сделал строгий выговор за беспредел, устроенный с их бывшей коллегой по ЦРУ. Без серьезных доказательств о связи Чердак с Самариным ее смерть ложилась пятном на репутации отдела, руководимого Рейсом. А то, что доктор Чердак после посещения Самарина рвалась на встречу с Марковым, придавало их беседе еще большую привлекательность. Волей неволей, Рейс чувствовал в Маркове хоть и бывшего, но соперника, и ему хотелось реванша.

— Я военный, штабист, сейчас тыловая хозяйственная крыса. Последний раз в боевых операциях участвовал в Персидском заливе.

— А я, господин Рейс, — издатель, журналист Вадим Марков.

— Ну, вот и познакомились.

Они пожали друг другу руки, словно перед предстоящим поединком.

— Так вот, возвращаясь к нашему разговору: в отличие от журналистов и издателей, мы, военные, господин Марков, больше склонны к диктатуре.

— Как военный человек вы абсолютно правы. Недаром говорят, что «диктатура и война, которые могут начаться после «второго 11 сентября», способны стать для Соединенных Штатов настоящим спасением». К тому же при диктатуре проще проводить политику узкого круга?

— Что касается намеков на «11 сентября», то это дешевая пропаганда, господин Марков. Это день трагедии США, а не провокация спецслужб, как это хотят представить некоторые горе-аналитики.

— Согласен, возможно, это были какие-нибудь парapolитические структуры. Ведь Соединенными Штатами управляют не Белый дом, не Конгресс, не правительство и не спецслужбы.

— Согласен, всеми нами управляет господь Бог, — с иронической улыбкой парировал Рейс. Это ничуть не смутило Маркова.

— Один русский летчик заметил на следующий день после падения башен-близнецов, что попасть в эти башни — это фокус сродни тому, что вы бежите стометровку, в руках у вас нитка, а на финише стоит человек с иглой, и вы должны на бегу попасть ниткой в её ушко.

— Вот видите, — перебил Маркова Рейс, — ваши летчики по поводу чужого горя шутят, а наши в Пенсильвании рыдали, выполняя патриотический долг. Впрочем, хватит об этом! Вы сказали, что у нас при диктатуре проще проводить политику «узкого круга»? Неправда! Это очередное ваше заблуждение, господин Марков! За «узким кругом» у нас сотни оскаленных ртов, которые говорят власти — «дай!». Кстати, это повсюду. И у вас в том числе. Когда есть крепкая рука и, подчеркиваю, здравый смысл, то, во-первых, никому не страшно, а вместо «итальянской говорильни» вполне сносная демократия. Если учесть, что и демократия как строй всего лишь этап в политической истории. А потом, вам ли возражать против такой политики, господин Марков? вспомните Сталина, у него и узкого круга-то не было. Что за красной стеной Кремля он решит, то и делают. А ведь какой порядок был у дяди Джо. Мало кто знает, что уже к 1950 году СССР стал мировым лидером по мощности парка и ежегодному выпуску всевозможного производственного и коммунального оборудования, а к 70-м годам уже лидировал по ВВП не только абсолютно, но и в расчете на душу населения. Скрывалось это абсурдными экономическими теориями, подброшенными в СССР, а также дезинформацией статистики из-за, скажем мягко, недомыслия или злого умысла некоторых «ученых»-экономистов, в том числе сидевших в ЦК КПСС. Надеюсь, вы согласны, господин Марков, что ваши нынешние либералы до сих пор доедают «сталинские запасы». Впрочем, у вас и сегодня публикуются диктаторские манифесты, «протянутые на копье президенту как ультиматум» с

требованием «защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов». Не так ли?

— А что вы хотите, господин Рейс, глобальная криминальная финансовая система иных механизмов выхода из кризиса, кроме криминальных, не видит. На беду, наши экстремисты, в том числе и финансовые, многому научились у ваших американских коллег. В 90-е годы разные Джеффри Саксы вдоволь у нас покомандовали.

— Тут вы правы. Но, согласитесь, колосс зашатался и рухнул, кто не пнет и не поживится останками умершего слона.

— Не преувеличивайте, господин Рейс, к удивлению всех, слухи об умершем слоне слишком преувеличены. Более того, слон встал на ноги и с его бивнями вынуждены считаться.

В пылу полемического диалога они незаметно подошли к озеру.

Красота этих мест так поражала своей девственностью и сказочностью, что невольно подчиняла сознание зову природы. Оба собеседника на секунду словно выключились. С одинаковым восторгом они смотрели на бриллиантовую гладь озера, прислушивались к щебечущим птицам, ненавязчивому шепоту деревьев... Шел октябрь, и он, словно расшалившийся ребенок, разбросал на дорожках листья, шишки, сломанные ветром ветки... Однако нигде не было хаоса, природа, оставаясь гениальным живописцем, в этих местах благополучно уживалась с деятельностью человека.

Вскоре они натолкнулись на небольшое кафе, открытой частью выходившее на озеро. Кафе было крошечным, уютным и называлось по-немецки — «Inspiration», что в переводе на русский — «Вдохновение». Оба согласились, что подобное вдохновение не обязательно должно быть царственных размеров, а может быть вот таким, земным, неброским, с приятным запахом выпечки. Сев за свободный столик, Рейс заказал себе виски, а Марков водку. Оба уже ужинали, поэтому для закуски сошлись на буженине и сыре.

— Вы тыловой генерал, господин Рейс, но информированы куда больше, чем ваши коллеги.

— Ну, во-первых, вы моих коллег не знаете, среди них есть люди выдающиеся и притом серьезные литераторы. Возьмите генерала Уэсли Кларка. Его книга «Как победить в современной войне» стала учебным пособием для многих рус-

ских командиров. А во-вторых, нет ничего проще заглянуть в специальную литературу. В этом мы тоже у вас учились: «Самая читающая страна в мире!» Правда, в прошлом. Сейчас, кажется, не до литературы? Телевидение и шоу-бизнес «снесли голову» самой читающей стране. Не так ли? Не обижайтесь, у нас тоже проблемы. Так объелись, что даже у женщин в первую очередь животы видим.

— Согласен. Но ведь за это вы и боролись, господин Рейс. О таком уровне благосостояния, как в вашей стране, провозвестники коммунизма не могли и мечтать. Но теперь, кажется, ситуация меняется, — с улыбкой сказал Марков и, подняв рюмку с водкой, добавил:

— За очевидные параллели, господин Рейс, за скорейшее разрешение насущных проблем, за вновь открывающиеся обстоятельства в нашей непредсказуемой истории.

— Сразу чувствуется журналист. Сказано много, а ни за что не ухватишься. Все политически корректно.

Они выпили и принялись не торопясь закусывать. Рейса удивляло, что Марков так сдержан и осторожен. «Или он что-то знает обо мне, — думал он, внимательно изучая Маркова, — и поэтому молчит, либо так хитер, что до него вообще не добраться».

К тому же Рейса настораживало, почему Марков до сих пор не коснулся смерти доктора Чердак? Генерал был уверен, что между этими двумя было что-то большее, чем должно быть между лечащим врачом и пациентом. До сих пор он не забыл, как Чердак бросилась к Маркову в ресторане. В какой-то момент Рейс сам решил коснуться этой темы, но сдержал себя. На этом «скользком льду» ему не хотелось развлекаться и продолжать играть в кошки-мышки с этим русским журналистом.

— Вы сказали об «очевидных параллелях», что вы имеете в виду?— спросил Рейс после основательного глотка виски.

— Что я имею в виду? Очевидное! И думаю, что вы с этим согласитесь. Ваша страна повторяет судьбу нашего СССР. Наступило время забот и тревог, связанных с грандиозным кризисом «кредитной экономики». Когда в третьей «холодной» мировой войне двух сверхдержав — американского империализма и советского социал-

империализма — восточный Союз Социалистических Республик рухнул, мир вступил в новый виток развития в пользу срединно-земельного Китая. Теперь Китай находится на подъеме и к 2012 году, году Черного дракона, вот почему все замирают, когда говорят об этом, выйдет в очевидные мировые лидеры, тогда как ваша страна, господин Рейс, находится на спаде могущества, по всем статьям проигрывая Китаю на товарных и денежных фронтах мировой финансово-экономической войны. А с избранием Обамы Благословенного (ведь таков, кажется, смысл имени Барак) и встав на путь перестройки, США готовит себе судьбу СССР.

Выпад Маркова был настолько техничным, а поворот разговора столь неожиданным, что Рейс в первый момент растерялся. «А он, оказывается, и политик, этот возлюбленный моей докторши». Но в следующее мгновение он взял себя в руки, и обычная самоуверенность повела его в наступление.

— Нет, господин Марков, я не могу с вами согласиться. Кажется, у вас есть такая поговорка: «Не так страшен черт, как его малюют». У нас еще хватит мощи и мудрости не споткнуться на трудностях и не пугаться еще не преодолевшего в чем-то феодализм Китая. Политика, конечно, дело грязное, но я уверен, что мы с вами еще удивимся ее поворотам. — С этими словами Рейс посмотрел на часы и как-то зловеще улыбнулся. Марков почувствовал, что ухмылка эта с чем-то связана, и в свою очередь задал вопрос:

— Кажется, в «Дейли телеграф» я читал о том, что «США создают новое космическое оружие на случай конфликта с Китаем».

— Господин Марков, давайте оставим Китайскую поднебесную в покое. Мы ведь с вами не китайцы. И пьем, к счастью, виски, а не вонючую китайскую водку. Кстати, не имеет ли смысл повторить? — вдруг вспомнил Рейс, увидев, что в его стакане уже пусто. — А то в пылу речей и прогнозов мы забыли о насущном.

Рейс подозвал официанта и попросил повторить то же самое.

— Итак, мой уважаемый оппонент-собеседник, с Америкой вы, хоть и преждевременно, разделались. Но давайте коснемся и вашей страны, которую, как известно, благословляя, обходил Христос. Что ждет Россию после Чернобы-

ля, распада СССР, приватизации, дефолта, нефтетолларов и нового, нештучного кризиса?

— Это очень интересная тема. Тем более в окружении нового президента США Барака Обамы много «друзей» России — известных специалистов по «цветным революциям».

— Смотрите, какая осведомленность. И что же эти специалисты хотят устроить великой России?

— Я бы предпочел начать с того, что Россия может дать Западу, а уж потом будем говорить о другом сценарии.

— Мне казалось, что мы спорим, а не торгуемся, господин Марков.

— В любом споре есть предмет обсуждения и, хотите вы этого или не хотите, ему есть цена. Особенно, когда на карту поставлены вопросы нашего будущего, если не судьбы мира. Пусть вам покажется это сказкой, но Россия своими сырьевыми запасами способна обеспечить суперлордам финансового интернационала новую учетную единицу для переоценки мировых богатств. Превратить Запад в свой индустриальный и информационный придаток. Сделать Китай резервом трудовых ресурсов. Получить «запал духа от Мира ислама». Все это непременно произойдет «чудесным образом» в свое время. Западный тип сознания утверждает: кто не с нами, тот против нас, а стереотип поведения предписывает, чтобы противник был уничтожен, его труп — ограблен. Южный семито-хамитский тип сознания предписывает покоренному противнику выколоть глаз и обратить в раба. Средний «поднебесный» тип сознания исподволь тянется к гармонии. Убивать противника не надо, достаточно, чтобы он «потерял лицо» и признал «формальный вассалит» победителя. И только восточный русский тип сознания вообще прощает врага и садится с ним за один стол на общей поминальной тризне по погибшим. Здесь и в этом дух русской победы.

— Вы цитируете какого-то философа. Мне даже кажется, что я где-то это читал.

— Конечно, цитирую, и это потому, что мы — русские, вопреки вашим оценкам, по-прежнему все еще читающая страна.

— Я согласен, господин Марков. Возможно, какая-то интеллигентская прослойка и продолжает у вас духовную жизнь и много читает. Но

рядом с этим в середине 90-х годов у вас в России началось такое, о чем мы даже представить не могли. Первое время у нас в Америке еще теплилась иллюзия, что ваши отпрыски номенклатуры и теневой экономики пустят «срезанные у народа кошельки» в дело, как вложили в производство наши Форды и Дюпоны, которые сумели умыть руки от запаха крови. Но ваши молодчики пошли в братки и в растление чиновников, отправили тысячи девушек в секс-рабство в бордели, расплодили в России мафию педофилов... Я не люблю Даллеса, но, кажется, сбывается его пророчество. Как там у него: «Мы найдем своих помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания».

— Не путайте нас с туземцами, господин Рейс, — резко ответил Марков. — Мы еще далеко не ваша колония. А Даллес — не пророк Исая.

— Успокойтесь, господин Марков, я ни слова не говорил о колонии. Я говорю о том, что попираются цивилизные нормы, когда-то так чтимые в России.

— Господин Рейс, я вас прекрасно понял. Повторю еще раз, русские — цивилизованная нация. Нас можно обмануть и даже на время подавить национальное самосознание. Но лишь на время. Россия никогда никому не покорится, какие бы сценарии ни готовили ей западные доброхоты.

Марков выпил водки, долго закусывал, стараясь не смотреть в сторону Рейса. Видно было, что последний выпад генерала с цитированием Даллеса его не на шутку зацепил.

— Давайте вернемся чуть выше, — снисходительно предложил Рейс, получая удовольствие от того, что все-таки вывел своего оппонента из равновесия.

— Что вы имели в виду, говоря о другом сценарии?

Рейс откинулся в кресле и как ни в чем не бывало со всей основательностью приготовился слушать. Марков помолчал, достал сигарету, закурил и только потом продолжил:

— Этот сценарий вы, как военный, знаете не хуже меня. Он прост и уже апробирован в Югославии, Афганистане и Ираке. Вначале борьба за права человека, потом формирование

пятой колонны, следом крупные акты террора. После войны с Грузией можно ожидать и в России крупномасштабных актов террора, подобных «Норд-Осту», Беслану, Буденновску. Для дестабилизации положения в стране такие акты могут быть направлены в первую очередь против объектов ядерной энергетики. Вы, кстати, упомянули чуть раньше Чернобыль. Могут взорвать нефтегазопровод, электростанции, не исключено и... метро, что приведет к непредсказуемым последствиям и вызовет самые серьезные проблемы, в результате чего может быть даже спровоцирована война.

Как ни был удовлетворен самоуверенный Рейс протекавшим диалогом, но на слове «метро» рука его, потянувшаяся с виски ко рту, дрогнула. Марков сделал вид, что не заметил этого, и продолжил:

— Для «перезагрузки матрицы» в этом сценарии в войну могли быть втянуты вначале Пакистан, а следом Китай — и потерпеть в ней поражение. Правда, в США привыкли рассматривать разные сценарии. К примеру, ядерный взрыв малой мощности в России мог бы поменять власть в Москве, что в интересах Вашингтона. А дальше проще: поставить во главе России своих людей, те позовут войска НАТО, чтобы взять под контроль атомные центры и ядерные арсеналы. А следом такая компрадорская власть «покорно согласится на международное освоение природных богатств Сибири и Дальнего Востока, отрезая от них Китай».

Рейс, видимо, чтобы выразить ужас от всего услышанного, передернул плечами и, отпив виски, скептически заметил:

— Как сказал один философ: «В истории мало нового. Она прокручивает все одни и те же известные нам ходы». Не знаю, откуда у вас такие прогнозы?

— О том, что США изучили последствия применения тактического ядерного заряда в московской подземке, с документами в руках еще в 2002 году сообщил аналитический центр НАМАКОН.

— Ох, уж этот НАМАКОН. Каждой бочке — затычка. Все это дешевая конспиралогия, господин Марков. — И, как затверженный урок, генерал добавил: — Мой отец, полковник Майкл Рейс, не раз меня предупреждал, что с Россией лучше быть союзниками, как во время послед-

ней Великой войны, чем врагами, считая ее легкой добычей, в нынешнем, урезанном статусе. Впрочем, мой любимый философ Артур Шопенгауэр сказал: «Человек — сын нужды, а не свободы». Поэтому: поживем — увидим.

Неожиданно у Рейса зазвонил мобильный. Он торопливо достал телефон и вышел из-за стола. Это был голос заместителя командующего войсками, проводящими военные учения НАТО под Мюнхеном. У военных наконец-то наступил час «Х», и руководство требовало уточнений о действиях группы Рейса. Чужим, взволнованным голосом генерал что-то коротко объяснил своему нетерпеливому собеседнику.

Поскольку на этот раз генерал больше слушал, Марков сделал вывод, что звонит высокое начальство. Закончив беседу, Рейс вернулся к столу, не садясь, допил свой виски, широким жестом бросил стодолларовую купюру и, улыбаясь, стал торжественно прощаться:

— Жаль, что деловые звонки не дают нам продолжить этот интересный и дружеский спор. Господин Марков, спасибо вам за поучительную беседу. Вы оказались превосходным собеседником. Благодарю вас за доставленное удовольствие. Однако добавлю: для издателя вы слишком хорошо информированный руководитель, а для журналиста, пожалуй, больше политический комментатор, чем журналист. В Америке вы могли бы быть неплохим ведущим какой-нибудь голуболомной политической передачи.

Рейс широко улыбнулся, получая удовольствие от того, что хоть опосредованно, но зацепил Маркова.

— Жаль, что после этого разговора каждый из нас останется при своем мнении.

— Безусловно, господин Рейс. Но важно, оставаясь при своем мнении, учитывать и другое. Так интереснее жить и меньше ошибаешься.

Рейс помолчал, взвешивая услышанный аргумент собеседника, и, растягивая каждое слово, произнес:

— Господин Марков, единственный совет, который можно дать думающему о будущем, — будь всегда готов удивиться. До свидания, господин Марков, уверен, мы еще найдем время с вами поболтать.

На этот раз они не пожелали протянуть друг другу руки, а вежливо раскланялись.

Рейс развернулся и не торопясь пошел по аллее в сторону больничного корпуса. Впервые он чувствовал себя не в своей тарелке. Всё ему к концу вечера не нравилось: ни эти торопыги военные, не знающие тонкостей работы ЦРУ, но, едва почувствовавшие запах крови, уже начинающие командовать, ни этот русский издатель Марков — трудный и несговорчивый собеседник. Размышляя по дороге о Маркове, Рейс сделал неутешительные выводы: «Этот русский хорошо подготовлен, опасен и знает гораздо больше того, о чем говорил со мной. Неужели наша работа так видна и уязвима, что о ней знают все кому не лень и, не стесняясь, говорят, находясь на больничной койке или в кафе заштатного городка. Нет, так больше работать нельзя. По возвращении в США надо что-то предпринимать. Впрочем, доживем до утра, — решил в заключении генерал, — и тогда подведем итоги».

* * *

Наступил час «Х». К этому вечеру бандиты готовились с особой тщательностью. Кувалда съездил и заправил машину бензином, еще две канистры наполнили дополнительно. Около десяти вечера в машину переложили оружие, деньги и забаррикадировали спрятанное электроприборами. Перед отъездом доложили о готовности «шефу» и получили благословение. Разговор был коротким, но важным. Впервые «шеф» заговорил об оплате, и сумма была внушительной. В оставшиеся до выезда полчаса оба преступника размышляли. Названная сумма давала простор воображению. Молоток видел себя уже хозяином ресторана, уважаемым человеком и даже, возможно, депутатом. Денег, чтобы купить все это, у него было более чем достаточно. Кувалда мечтал о другом. Хотел на берегу Каспийского моря построить огромный дом, огородить его огромным забором и... никого туда не пускать. Он так и говорил:

— Буду жить с бабой, без телевизора, радио, чтобы не видеть и не слышать эти рожи.

Молоток предложил выдать за Кувалду племянницу, чтобы соединить капиталы и навсегда поставить Махачкалу на колени. Кувалда пообещал подумать. Но тут вспомнил директора школы — азербайджанца и поклялся,

что раньше отомстит этому гаду, который уволил его с работы и выставил на улицу.

Понимали ли они, что то, чем они занимаются, терроризм? Нет! Им внушили, что они бойцы за свободу. Чувствовали ли они, что являются слепыми исполнителями «слепых поводырей»? Тоже нет. Потому что терроризм в любом случае инструмент, но только пользуется им не тот, кого традиционно объявляют держателем, а совершенно другие силы. «Другие силы», имея власть, деньги и неистребимое желание потреблять все ценности жизни, всегда находили тех, кто за определенную мзду выполнит любое преступление. Немногим удавалось противостоять этой силе. Попавший на ее крючок срывался с него только мертвым. Трудно было понять, что двигало этими двумя Ахметами? Но в основе была обида. Деньги, власть и насилие были всего лишь инструментом, чтобы отомстить за нанесенную обиду. Недаром восточная мудрость утверждает: «преступником является не только человек, склонный к преступлению, но и тот, кто сознательно подтолкнул к преступлению».

В рассчитанное время «Нива» выехала из гаража, где в подвальном помещении был наведен идеальный порядок в расчете, что и в дальнейшем будет востребовано. Остались лишь незначительные следы от пребывания дагестанцев: две пустые пластмассовые бутылки из-под айрана. Бандиты долго колесили по Москве, пока окольными путями добирались в знакомое место.

«Нива» остановилась неподалеку от Филевского парка, рядом с пятиэтажной «хрущевкой». Молоток вышел по малой нужде, проверил обстановку у незапертого подъезда и дал сигнал Кувалде. Тот достал из багажника короткие носилки и пошел к дому. К этому времени напарник уже проник в подвал. При свете фонаря они прошли в дальнюю часть подвала, где за сваленным стройматериалом был спрятан в специальном пенале ядерный снаряд. Открыв пенал, они при свете фонаря аккуратно прикрепили детонатор, включили часы на определенное время и, закрыв крышку, уложили пенал на носилки. Медленно, шаг за шагом, они пошли на выход. Неожиданно Молоток услышал снаружи голоса ребятишек. Остановившись, он дал знак Кувалде. Оба замерли, не вы-

пуская из рук опасный груз, на их лицах выступил крупный холодный пот. Во дворе продолжали галдеть ребятишки. Они не собирались уходить, громко выясняя отношения:

— Ты, Петруха, нахал и жмот, — кричал один из пацанов, — к тому же двоечник.

— Я-то, может быть, и двоечник, — отвечал весело Петруха, — хотя у меня троек больше, зато ты, Колька, наркоман, балабол и воришка. У старика, который на третьем этаже, выпросил старый велик, разобрал на части, а вернул деду Степану только руль. Где все остальное, я тебя спрашиваю?

— Съел! — задорно отвечал Колька, — я металлоглотатель.

— Какой ты металлоглотатель, ты жмот и трепач. Добавь на «Яву», тогда поверю, что ты этот самый — металлоломатель.

— На тебе, зануда, подавись, последние отдаю, — с отчаянием в голосе отвечал Колька. Затем спорить начали другие, кажется, Валерка и Геннадий, и все началось сначала. Все эти выяснения отношений бандиты, скрипя зубами, слушали и не могли шелохнуться.

От напряжения руки у них стали затекать. Слышно было, как тикают часы и как капает пот с тучного и обильно потевшего Кувалды. Ждать пришлось минут пятнадцать, пока детвора, не набрав вкладчину денег, отправилась покупать в магазин сигареты. Как только у подъезда стихло, бандиты неторопливо вынесли из подвала груз и направились к машине. Уложив пенал в багажник, оба наконец расслабились, смахнули грязной тряпкой пот с лица и потянулись за сигаретами. Курили жадно, не говоря ни слова. Теперь предстоял новый маневр, надо было как можно ближе подогнать «Ниву» к мотодепо.

Через десять минут, удачно проскочив милицейский пост, они остановились неподалеку от проходной. Надев в машине заранее приготовленные оранжевые жилеты и еще раз проверив содержимое пенала, бандиты стали ждать, когда народ повалит на смену. На этой проходной особой проверки практически не было. Основательнее проверяли у въезда в туннель. Когда работников мотодепо прибавилось, они вышли из машины и, затерявшись в потоке людей, понесли пенал к проходной. Один из дежурных обратил на них внимание и громко спросил:

«Чего несем?» Но, услышав решительный ответ: «Инструменты!» — махнул рукой и пропустил. Взяв первую попавшуюся путевскую тележку, они неторопливо повезли груз к знакомой дрезине Полетаева. Платформы дрезины предварительно были загружены щебенкой, и она в ожидании смены одиноко стояла в стороне. Подъехав поближе к ближайшей платформе, Кувалда быстро разгреб щебенку, и в образовавшееся углубление преступники осторожно уложили пенал и тут же его засыпали. На всякий случай, как учили, незаметно оставив «мету» — большой катыш из белой бумаги, положенный на месте засыпанного пенала. Теперь самая опасная часть работы была позади. Поставив на место путевскую тележку, они вышли наружу и направились в кафе, где им предстояло встретиться с Полетаевым.

Сегодня они были как никогда внимательны и осторожны. Шли неторопливо, часто оглядывались. Когда подходили к кафе, навстречу им попался местный бомж, который постоянно терся и кормился около здешних мест.

— Ну, как там дела? — на всякий случай спросил Молоток.

— Хреново, аксакалы, — беззубым ртом прошепелявил бомж. — В кафе нет горячей воды. У Райски пусто, злая как черт... Никакой жрачки. Иду на ту сторону, в ресторан к Бугаю. Там, говорят, все в порядке.

— А чего это воды нет? — подозрительно спросил Кувалда. — До сих пор всегда была.

— Не знаю. Народу у Райки с гулькин х.. Сидят какие-то долбоёбы. Тянут водку под картофельную стружку...

— А нашего там нет?

— Это какой? Тот, что с вами халявит? Есть, видать, разжился, уже сотню цапанул. — Бомж ударил себя по подбородку и то ли засмеялся, то ли позавидовал.

— Так ему же в депо, на работу? — удивился Молоток, оглядываясь, словно почуяв опасность.

— А что за долбоёбы там? — строго спросил Кувалда. — Наши?

— Наших там, кажется, нет, кроме «халявщика». Так, шушера всякая. — Бомж устало махнул рукой и собрался идти дальше, но Молоток его придержал.

— Подожди! Вот тебе «сотня», — он сунул бом-

жу сторублевую купюру, — пойди в кафе и приведи нашего приятеля вон на то место. — Молоток показал скамейки около небольшой эстрады.

— А чего сами-то не хотите? — лукаво спросил бомж.

— Работенка есть, торопимся, а сам знаешь, зайдешь в кафе — без стакана не выйдешь. Договорились?

Бомж с готовностью закивал, схватил сторублевку двумя руками, для верности понюхал ее и, ослабившись, быстро пошел назад.

Неожиданно он остановился и, словно проверяя себя, стал указывать на место, где должна состояться встреча. Кувалда и Молоток в подтверждение тоже закивали и, оглядываясь, направились в указанном направлении.

Нервы у бандитов были напряжены до предела, поэтому сообщение бомжа о случившемся впервые отсутствию воды у Райки и, главное, присутствию посторонних в кафе показалось подозрительным. Оба, не договариваясь, решили подстраховаться.

Видимо, не прошли даром уроки, полученные на курсах подготовки в Дагестане, где в числе одного из приемов федералов разбирались задержания в обесточенных или полупустых кафе, обеспечивающих меньшее количество жертв.

За последние сутки основательно перепуганный Полетаев сделал с собой невозможное. Он срезал свою густую шевелюру, выбрил голову и смазал ее бальзамом так, что она блестела, как бильярдный шар. В результате его, казалось бы, большая голова, снятая на фотографии, сделалась до того неузнаваемой, что сидевшие с ним в кафе сотрудники милиции не обратили на него внимания. Полетаев перед встречей со своими, как он выражался теперь, «чурками» разрешил себе то, чего не делал никогда перед сменой, — выпить для храбрости боевые сто граммов с пивком. Это было непростительной ошибкой. От страха он сильно опьянел, стал развязным и даже нахальным. Именно об этих ста граммах бомж и донес бандитам, прекрасно знавшим, что Полетаев перед работой не пьет. Когда после сообщения бомжем о перенесенной в другое место встрече Полетаев наконец решился идти, ему уже было море по колено. При виде своих старых знакомых Сергей осмелел и довольно органично

стал общаться и даже обрадовался встрече. Нетрезвому состоянию тут же нашел объяснение, что выпил, мол, на радостях, на работе добавили зарплату и после раздачи долгов осталось кое-что еще, и он даже готов угостить. На вопрос, почему сбрил такую роскошную шевелюру, ответил нелепицей, что сдал волосы в театр на Таганку за бешеные деньги. Зная его стесненное состояние, дагестанцы ему поверили. Полетаев так настойчиво убеждал, что до смены еще есть время и что можно «добавить» в любой соседней забегаловке, что бандиты окончательно успокоились. Кувалда сбегал в ближний продуктовый и принес пиво. Так, сидя на лавочке неподалеку от эстрады, они потягивали «Арсенальное» и вместе радовались новому мобильнику, подаренному Полетаеву. Сергей сделал несколько звонков. Связь была великолепной, по наворотам подаренный «Нокия» намного превосходил прежний. Полетаев не уставал благодарить своих друзей и обещал расплатиться в ближайшие месяцы. Дагестанцы в свою очередь повторяли, что «кавказцы» умеют дружить и помогать друг другу бескорыстно. Так, перебрасываясь комплиментами и короткими возгласами «за тебя» или «за вас», друзья уговорили несколько бутылок пива. На последнюю бутылку не хватило сил, и они отдали ее уже знакомому бомжу.

Вот эту передачу пива и заметил находившийся неподалеку Кирилл. Он давно уже засек «бомжа во хмелю» и только искал момент, чтобы с ним пообщаться.

Бандитов он видел со спины, а вот лысую голову Полетаева запомнил сразу. Счастливый бомж устроился среди пустых бутылок, сорвал пробку с помощью эстрадной скамейки и собрался уже выпить, как тут чья-то рука вырвала у него бутылку.

— Ну, ты, куда прешь! — захрипел бомж, пытаясь встать во весь рост. Кирилл одной рукой усадил его на место, а другой сунул под нос удостоверение. Бомж мгновенно осекся и испуганно уставился на документ.

— Милиция, что ли? — спросил он, не вдаваясь в подробности.

— Нет, хуже — следственный отдел. Ты, брат, где распиваешь? — Кирилл обозначил рукой горизонт, давая понять, что они находятся в парке, где пить возбраняется.

— Так не я один! — бомж указал на пустые бутылки и потянулся к руке Кирилла за своим пивом.

— Нет, голуба, так не пойдет. Придется тебе со мной в милицию. Там будем тебя воспитывать.

— А чего я сделал, я еще и не выпил. Если хочешь, пей сам и сам сдавайся в милицию, — смело ответил бомж и улыбнулся своими черными изношенными зубами.

— Хорошо, я тебе верну бутылку, но при одном условии. — Кирилл достал фотографию Полетаева и показал ее, продолжая держать бутылку в другой руке. Выбор был налицо, и бомжу пришлось всматриваться в фотографию. Бомж без труда узнал «халявщика», но решил поводить «следопыта» за нос.

— Где-то видел, но тали внешность сейчас — не знаю.

— Что значит не знаешь? — рассердился Кирилл, поднимая бомжа на ноги.

— Отдай пиво — скажу, — закричал бомж и попытался выхватить из рук Кирилла бутылку.

— Вот тебе пиво! Говори!

Бомж с жадностью припал к бутылке и, чтобы ее вновь не отняли, стал пить, захлебываясь. Отдышавшись, он вытер пятерней рот и сказал:

— Такого лица теперь нет. — Бомж ехидно заулыбался и добавил:

— Но я его помню и таким. Дашь сотню, все скажу, — решительно прошепелявил он и протянул руку. Кирилл без колебаний достал деньги и сунул сотню в грязную руку. Тот, не веря своему успеху, обнюхал сотню, быстро спрятал ее в карман и, указав на пустые бутылки, заявил:

— Это пиво «халявщик» пил со своими дружками-дагестанцами. Эти ребята очень богатые, промышляют здесь недавно, чем занимаются, не знаю. Снимали «малютку», которая ездил к ним в какой-то подземный дом. Затрахаили ее до смерти. Но это я вам не говорил. А «халявщика» вы не узнаете. Гол как сокол. Побрился. Он метростроевец, пошел на смену. Они с ним поперли в сторону мотодепо. Чего они в нем нашли, ведь, как жется, не педрила.

— Подожди, — перебил Кирилл, — это тот, который только что здесь был, бритый? — Кирилл ткнул пальцем в фотографию и уставился на бомжа.

— Он теперь, как шарик. Можно в жопу засу-

нуть. Понял? — уже с гневом ответил бомж, допивая пиво.

— Отсюда к мотодепо как добираться? — быстро спросил Кирилл.

— А чё тут добираться, вон туда, потом напрямик и упрешься в забор мотодепо.

Кирилл сорвался с места и, не оглядываясь, побежал в указанном направлении. На ходу он успел позвонить капитану Галдаеву, в группе которого работал, и передал, чтобы как можно скорее бригада катила к Филевскому мотодепо.

— Он работает в Филевском мотодепо! — продолжая бежать, кричал Кирилл.

— Кто? — спрашивал Галдаев, чертыхаясь на связь.

— Бритоголовый!

— Какой бритоголовый? Марков, остановись и объясни внятно, — приказал Галдаев.

Маркову на всем ходу пришлось притормозить и еще раз повторить, куда надо ехать и что побывавший у лейтенанта «жалобщик» — работник мотодепо и что он теперь бритоголовый. Когда все наконец стало ясно, было упущено время. Увидев запыхавшегося и на ходу нахально лезущего на территорию мотодепо мужчину, охрана заподозрила неладное, проявила резвость и потребовала документы. На это ушло еще время. С трудом прорвавшись через охрану, Кирилл успел заметить «дружков» в последний момент, когда подошел помощник машиниста.

Когда Полетаеву и его помощнику Игнатову пришло время отправляться на смену, Молоток попросил у Сергея подаренную «Нокию» и демонстративно позвонил «своим друзьям», к которым дагестанцы собирались поехать с ночевкой. При возвращении мобильного Сергею, отвлеченному в это время Кувалдой, телефон незаметно был подменен точно таким же, но уже с вмонтированным детонатором. Вот этот ловкий прием и заметил Кирилл, подобравшийся ближе. Маневр с подменой сразу же насторожил его.

Перед отправкой дрезины Кувалда громко начал уговаривать Сергея позвонить с «Пушкинской», чтобы проверить работу мобильного в подземке.

— А раньше я вам и позвонить не смогу, рук не будет, — весело отвечал Сергей, не догадываясь о замене телефона. Подобравшись еще ближе, Кирилл как раз и расслышал этот почти приказ

— «позвони с Пушкинской!». Глядя вслед удаляющейся дрезине, Кирилл лихорадочно соображал, что же теперь делать? Броситься наперехват дрезине с подозрительным телефоном или арестовать дагестанцев? Оглянувшись по сторонам, Кирилл заметил, что машина Галдаева до сих пор не подъехала. Тем временем преступники, словно чувствуя погоню, быстро сели в зеленую «Ниву» и на большой скорости помчались в сторону Кутузовского проспекта. Именно то, с какой скоростью преступники смывались из района мотодепо, окончательно убедило Кирилла, что готовится взрыв и что, по всей вероятности, бомба везется на дрезине. Он кинулся к проходившим работникам с вопросом: «кто у вас здесь главный?» Получив ответ, что главный бригадир Николай Степанов, Кирилл бросился к нему. Степанов оказался толковым мужиком, сразу поверил всему, что нес «этот сумасшедший мент», и, набрав номер 1102, позвонил в диспетчерскую о возможности опасного груза на дрезине Полетаева и Игнатова. В диспетчерской были предупреждены о такой ситуации, и через короткое время всем подразделениям метро и службам правопорядка было доложено о сигнале с Филевского мотодепо. Медленно, но машина правоохранительной системы, набирая скорость, закрутилась.

В слабо освещенном туннеле Московского метро на большой скорости мчалась дрезина со смертельным грузом. На всем пути загорался зеленый свет, дающий право не снижать скорость. Полетаев, распрощавшись со своими дружками, стал успокаиваться и трезветь, внимательно следил за сидевшим впереди Игнатовым и четко реагировал на все его команды. Однако вскоре на маршруте все чаще стал маячить красный свет, Игнатов давал рукой команды придерживать скорость, а при подъезде к метро «Смоленская» дрезина и вовсе была остановлена. В этой запарке Полетаев вспомнил об обещанном звонке дагестанцам, вытащил мобильный, собираясь доложить, что по техническим причинам не удастся позвонить с «Пушкинской», поэтому звонит со «Смоленской», как вдруг в длинном пустом пространстве туннеля раздался резкий, отчетливый голос:

«Машинист Полетаев, не вздумайте воспользоваться вашим мобильным. На платформе

опасный груз, может произойти взрыв. Будьте осторожны!» И опять голос повторил тот же приказ, усиленный мегафоном. Полетаев замер, перепуганными глазами уставился на мобильный и осторожно стал укладывать его на край кабины. Наконец из темной кишки туннеля выбежали несколько человек и бросились к платформам. Один из них тут же забрал у Полетаева мобильный и приказал сидеть до конца операции в кабине. Остальные с какими-то приборами стали проверять платформы. Именно белый катыш подсказал, где находится ядерный снаряд. Минеры осторожно разобрали щебенку, вскрыли пенал и обезвредили взрывное устройство. Теперь надо было вынести снаряд из метро. Один из бригады, старший по званию, осторожно взял ядерный снаряд на руки и медленно понес на выход. Нести пришлось долго. Пока он шел, перед ним все время вспыхивал свет, освещающая дорогу. Наконец заблестели огни станции «Смоленской». Здесь ядерный снаряд переложили в специальный ящик и вынесли из метро для транспортировки на подмосковный военный склад. Оба машиниста — Полетаев и Игнатов — были задержаны, хозяйничать на платформах дрезины оставили минеров и охрану метро.

Когда генералу Смирнову доложили о том, что на станции метро «Смоленская» на одной из платформ дрезины обнаружен ядерный снаряд, который в считанные минуты был эвакуирован, Виктор Сергеевич срочно позвонил председателю правительства и сообщил, что опасность ядерного взрыва в Московском метро предотвращена. Премьер внимательно выслушал сообщение, поблагодарил Смирнова за верную службу, положил трубку и уже по другому телефону доложил обо всем президенту. Чуть позже премьер дал поручение секретарю вызвать к себе Радова.

Тем временем Кирилл передал дорожным службам приметы зеленой «Нивы». К счастью, машину довольно быстро успели засечь и сели ей на хвост. Наконец у проходной мотодепо появилась и машина капитана Галдаева с двумя сотрудниками ФСБ.

Еще по дороге Галдаев получил информацию о реакции начальства на сообщение Кирилла и о том, что сам Смирнов взял под контроль всю операцию, поэтому, подхватив Мар-

кова у мотодепо, они связались с подполковником Петровым и, получив приказ преследовать дагестанцев, погнали к Кутузовскому проспекту. По ходу погони Галдаеву по рации стала поступать информация о направлении движения зеленой «Нивы». С Кутузовского проспекта «Нива» свернула в сторону Можайского шоссе. Вскоре передали сообщение, что машина преступников прошла Немчиновку и свернула на Мамоново. Ко всему прочему, засекли разговор из «Нивы» с каким-то «шефом», который ждет дагестанцев на базе.

Всем стало ясно, что преступники решили покинуть Москву.

Теперь за несущейся «Нивой» вытянулся «хвост» из нескольких машин. Важно было понять, где находится так называемая «база»: в Подмосковье или намного дальше. От этого зависело, где и при каких обстоятельствах задерживать преступников. Ночное вождение — тяжелый труд даже для опытных водителей. Дагестанцы, будучи народом стихийным и поздно усвоившим автовождение, гнали свою несчастную «Ниву» с запредельной скоростью. За рулем сидел Кувалда, а Молоток то и дело смотрел на часы и высчитывал, сколько времени осталось до взрыва. Этим несчастным, одуревшим от безумия людям хотелось скорее спрятаться в укрытие, где можно было бы хотя бы несколько минут провести в относительном спокойствии. Злоба, алчность и страх одновременно подгоняли их с дьявольской силой. Выскочив за пределы Москвы, они свернули с Можайского шоссе и, не снижая скорости, помчались в сторону подмосковного поселка Горобец, названного так не только потому, что расположен на горе, но и своеобразно горбатого. Группа преследователей на большой скорости то обгоняла бандитов, которые из старой, неуклюжей «Нивы» больше ста двадцати километров выжать не могли, то шла на приличном расстоянии в хвосте.

Всем дежурным постовым была дана команда — зеленую «Ниву» пропускать беспрепятственно и не высовываться на дорогу. Наконец «Нива» сошла с асфальтового шоссе и потащилась на взгорье.

Перед самым въездом в поселок Молоток позвонил и попросил «шефа» открыть ворота. В свете фар преследователи увидели мелькнувший

вдалеке высокий металлический забор зеленого цвета, и тотчас фары «Нивы» исчезли. Одна машина с руководителем группы майором Конотоповым проехала дальше, мимо большого, из красного кирпича особняка, часть которого еще была в строительных лесах. Оставив машину, группа Конотопова стала незаметно подбираться к дому сверху. Отсюда с горы им было видно, как в доме вспыхнул свет и замелькали силуэты людей. Другие две машины остались внизу. Эти две группы под руководством подполковника Петрова и капитана Галдаева стали приближаться к дому снизу. Переговаривались коротко и только в крайнем случае. Старший по званию Петров требовал проверить все выходы, особенно со стороны двора и стройки.

В скором времени жилая часть дома была окружена. Теперь все ждали команду на штурм. В последний момент одну из машин, где находились Кирилл и водитель Лоскута, по приказу Петрова на случай погони подогнали ближе к дому и спрятали за строительными лесами. Все были напряжены до предела, понимая, что взять преступников в особняке, при этом кавказцев, не склонных поддаваться уговорам, будет гораздо труднее, чем в Москве, в полупустом кафе. По расчетам тех и других, время приблизилось к развязке. Одни ждали взрыва, другие команду для штурма.

В доме с каждой минутой нарастало напряжение. Шеф — высокий, жилистый человек в темных очках, скрывавших врожденное косоглазие, разлил питейное, но ни Молоток, ни Кувалда даже не взглянули на стол, заваленный всякими разносолами. Молоток то смотрел на часы, то осторожно подходил к окну, вглядываясь в далекие огни Москвы, ожидая каждую минуту всполох огня от взрыва. Напряжение с каждой минутой нарастало. Шеф предложил на всякий случай включить телевизор в надежде, что о взрыве дадут экстренное сообщение. Наконец, не выдержав напряжения, Молоток полез в карман и стал набирать номер подаренного Полетаеву мобильного. Когда последняя цифра была нажата, все трое даже привстали в ожидании возможной реакции. Но вместо взрыва через мегафон раздалась решительная команда:

«Внимание! Дом окружен силами правопорядка. Находящимся в доме приказываю сдать ору-

жие и сдаться без сопротивления! Выходить по одному с поднятыми руками. Сопротивление бесполезно! Повторяю, дом окружен силами правопорядка, — еще громче и увереннее повторил подполковник Петров, — предлагаю сдаться! Гарантируем жизнь». На последнем слове из дома ответили огнем. Стреляли из автоматов поверх голов, чтобы дать понять, что разговора не будет и сопротивление обеспечено. Петров вновь повторил команду, но опять раздались автоматные очереди. В ответ по всему дому был открыт прицельный огонь. Участники захвата в основном стреляли по второму этажу. Именно оттуда раздались первые выстрелы. Перестрелка стала усиливаться, и вскоре со всех сторон открылся беспорядочный огонь. Находящийся в машине Кирилл старался понять, когда начнется штурм, но рация молчала, а видимость из-за темноты была плохой. Вскоре поступила команда на штурм, но автоматные очереди не давали штурмующим возможности подойти ближе. Двое смельчаков из группы Конотопова попытались перескочить через забор, но одного ранило, а другой не сумел перелезть и прижался у бетонного основания. Тотчас одна из очередей прошла поверх его головы. В какой-то момент стрельба из дома усилилась и стала яростной. Последние очереди были явно провокационными, чтобы выманить штурмующих на открытое место к воротам и забору. Неожиданно к автоматным очередям присоединились выстрелы из пистолета. Стало ясно, что из дома стреляют уже трое. Огонь внезапно прекратился, в этой неожиданной тишине ближе всех находящийся к дому Кирилл через открытое окно услышал два глухих хлопка. Сделав знак водителю, он тихо вылез из машины и быстро прошмыгнул под деревянный помост, тянувшийся к недостроенному третьему этажу. Помост был длинный, напоминающий цирковой трек с креплениями, похожими на тубинги. Вдруг на третьем этаже послышался шорох и еле слышный скрип. Кирилл сжал пистолет и выглянул из-за помоста. И сразу рядом с ним раздался щелчок. Пуля пролетела рядом и в ту же секунду с высоты, словно большая ночная птица, на помост полетел мотоцикл с человеком в седле. Кирилл снизу увидел, как силуэт мотоцикла с седоком в шлеме и специальном гоночном костюме, как в цирковом номере, на долю

секунды завис в предрассветном небе и внезапно исчез с горизонта. В конце полета, приземлившись на помост, мотоцикл, бесшумно набирая скорость, помчался по треку, и где-то в конце пути раздирающе громко взревел мотор. Кирилл выстрелил в сторону промелькнувшего мотоциклиста и бросился к машине.

— Заводи, Лоскута! Уйдет! — закричал он рыжеватому, курносому водителю по фамилии Лоскута. Милицейский «форд» и водитель отреагировали мгновенно. Машина завелась и ринулась с горки за мотоциклом.

Шел пятый час утра. Вокруг было безлюдно, сыро и холодно. Над землей стелился туман, затруднявший видимость, но Кирилл принял решение преследовать преступника и сообщил об этом по радию. Петров подтвердил команду на преследование. Вскоре Кириллу сообщили, что оба дагестанца убиты в затылок и дело чести убийцу поймать. Все посты получили приказ задержать мотоцикл, идущий на большой скорости в сторону Москвы. Как ни старался водитель, но видно было, что «форду» не настигнуть преступника. Кирилл не мог понять, какой марки мотоцикл, но то, что его не догнать, стало ясно через десять минут погони. Несколько раз Кирилл на ходу стрелял в сторону уходящего от погони мотоцикла, но бесполезно. «Форд» летел к Москве, но на горизонте не видно было человека, бесцеремонно распорядившегося судьбами дагестанцев и финалом операции. Через несколько километров на обочине Лоскута заметил брошенный мотоцикл. Это был «Харлей» с модернизированным двигателем в триста лошадиных сил. Выяснилось, что здесь мотоциклист пересел на другой транспорт. Пришлось передать сообщение, что мотоцикл найден, но без водителя. К этому времени по радию стали приходить другие приказы: «Проверять все подозрительные машины на подъездах к Москве со стороны Можайского шоссе!» Кирилл сообщил, в каком районе брошен мотоцикл, и, дождавшись смены и доложив о результатах преследования непосредственно подполковнику Петрову, получил отбой.

Подъезжая к Москве, он все больше огорчался. Конец операции был провален, и, прямо сказать, похвастать было нечем. Если бы все кончи-

лось задержанием бандитов, такая история могла понравиться не только начальству, отцу, Валентине, но и Виктории Сергеевне. Где-то подспудно он чувствовал, что хотел именно ей сказать: видите, я сделал еще один шаг к приближению дня, когда мы найдем вашего мужа. Кирилл понял, что нестерпимо хочет видеть эту женщину, что ему, несмотря ни на что, есть что рассказать ей, есть чем поделиться. От напряжения, которое он испытал за эти дни своего пребывания в Москве, от непрекращающегося экзамена, который приходилось держать на новой работе, и опасности, в разы большей, чем на прежней службе, ему просто захотелось человеческого тепла, разговора с умным, сердечным и дорогим человеком. Неожиданно он вспомнил о ее визитке. Она лежала у него в левом кармане, практически рядом с сердцем. Посмотрев на адрес, он обрадовался. Это было по пути. «Судьба! — мелькнуло у него в голове. — Была не была, мне надо ее видеть», — решил он.

Кирилл попросил добрейшего Лоскуту подвезти его до Ленинградского проспекта, и вскоре машина остановилась рядом с домом Виктории Сергеевны. Взглянув на часы, он обомлел. Было начало шестого утра. В такое время нормальные люди в гости не ходят. «Однако следователю, когда-то настойчиво приглашаемому в гости, можно», — подумал он и, поднявшись на пятый этаж, нажал кнопку звонка. На удивление, за дверью сразу послышалось движение. Щелкнули задвижки, и в приоткрытую щель выглянуло лицо Виктории Сергеевны.

— Я так и знала, что это вы, — прошептала она и распахнула дверь с улыбкой, придавшей Кириллу уверенности.

— Неужели вы меня ждали? — так же шепотом спросил он, проходя в переднюю. Она приложила палец ко рту, приблизила губы к его уху и прошептала:

— Игорь спит. У него вчера была тяжелая тренировка, хочу, чтобы он выспался до школы. В семь надо будить.

Она жестами стала приглашать Кирилла с собой, но, чувствуя нерешительность гостя, хозяйка взяла его за руку и повела по длинному коридору в холл, где было просторно, пахло чистотой и цветами. В углу он заметил внушительных размеров цветочную нишу, огражден-

ную специальной металлической оградой. В другой нише он увидел большой иконостас и мерцающую лампадку, создававшую ощущение, что там, в глубине ниши, кто-то присутствует и молится. У стены стоял огромный телевизор, рядом — низкие кресла и журнальный столик. В холле было много дверей, что свидетельствовало — квартира из тех, в которой можно заблудиться. Единственной контрастирующей вещью были гантели, лежавшие на полу, в метре от окна, словно забытые кем-то. Нетрудно было догадаться, что это были гантели профессора, знакомый портрет которого висел чуть в стороне. «И эти гантели здесь не случайно, — подумал Кирилл, — по всей видимости, к ним Самарин прикасался последний раз». Кирилл знал, что вещи напоминают живым о близких людях. Виктория Сергеевна усадила его в низкое кресло, присела рядом, обдав неувимым запахом духов, которые с первого знакомства понравились ему, и, заглядывая вопросительно в глаза, спросила:

— Что случилось?

Кирилл не готов был сразу ответить, и она добавила:

— Вы никогда без важной причины не пришли бы так рано.

— Я хотел вас видеть.

— Понятно, — улыбнулась она и, прикоснувшись к его руке, шепнула: — Хотите кофе? Ведь нам надо поговорить?

— Да, кофе было бы неплохо.

Она ушла и довольно долго отсутствовала, а вернувшись с кофе, застала его спящим. Минут тридцать она сидела без движения рядом и не сводила со спящего взгляда.

«Он осунулся и устал, — думала она, — сколь же ему, бедняге, достается, если пришел поговорить о чем-то важном и в секунды заснул».

В семь часов она разбудила сына, покормила его на кухне и стала отправлять в школу. Заглянув в холл, Игорь вдруг увидел спящего мужчину.

— Мама, кто это у нас в гостиной? — удивленно спросил он.

— Это следователь Кирилл Вадимович Марков.

— Это он? Я не узнал его. Худой и небритый. Может, мне остаться?

— Нет-нет, не беспокойся. Он трогательный... Пришел поговорить, но, видимо, устал и в одно

мгновение заснул. Пусть спит, я пойду на кухню. Надо приготовить тебе что-нибудь на обед. Что у нас в холодильнике?

— Есть рыба и в морозилке курица.

— Ну вот, что бы я без тебя делала. Что тебе приготовить?

— Всё, мама! Я после школы ненадолго домой и снова к Фомичу. В воскресенье открытый ринг, надо быть в форме.

Он натянул в прихожей красную куртку, закинул на плечо рюкзачок и, поцеловав ее, вышел.

Виктория Сергеевна прошла на кухню, чтобы приготовить обед. Сегодня у нее был выходной, и она никуда не торопилась. Постепенно она вошла в ритм работы. Хождение от плиты к мойке, короткие отходы к холодильнику и опять к плите. Это топтание на месте знакомо каждой хозяйке. Когда рыба была пожарена, а курица сварена, она почувствовала спиной, что за ней наблюдают. Кирилл с чашкой кофе, без куртки, в носках, стоял и любовался, как Виктория Сергеевна хозяйничает. Она улыбнулась той утренней улыбкой, которая так обрадовала его при встрече.

— Ну, хоть немного выпались? — будто извиняясь, спросила она.

— Простите, я бессовестный. Пришел к вам в гости и не выдержал ни одного экзамена по вежливости.

— Зачем так многозначительно, Кирилл? Просто ухряпались, наверное, на работе. В таких случаях не до экзаменов по вежливости. Садитесь, я вас буду кормить, а вы, пожалуйста, объясните подробно, почему вы пришли к женщине и...

— И ухряпался? — повторил он.

— Ну, хотя бы так. Итак, слушаю. Вы рыбу любите?

— Больше жизни! — воскликнул Кирилл, невольно встраиваясь в предложенный хозяйкой шутивно-ироничный тон. Он удобно устроился за широким столом, где уже были приготовлены салат, маслины и маринованные огурцы.

— Подождите, а руки? Давайте в ванную, там справа запасное лезвие, снимите эти заросли, душ примите и тогда за стол.

На удивление, Кирилл охотно пошел в ванную и вернулся к столу сияющим и счастливым.

— Ну вот, вы прямо-таки как Иван-царевич.

— Который куда-то там нырнул и преобразился, — согласился он.

— Иван-царевич прыгал в котел, а вы откуда в такую рань заявились? Рассказывайте и ешьте.

Она налила соку, подвинула ближе к Кириллу минеральную воду, а себе приготовила большую кружку кофе.

— Вы на меня не обращайте внимания, я до обеда не ем.

— С чего начать: почему я здесь или чем я весь день и ночь занимался?

— Вначале чем занимались?

— Ловил преступников.

— Поймали? — с азартом воскликнула Виктория Сергеевна.

— Не совсем. Два трупа, а один испарился, как летучий голландец.

— Ужас какой! А откуда два трупа? Это вы их того?

— Нет, они между собой «того»... Так разобрались. Мы их окружили, но в связи с провалом задания и безвыходностью положения лишних свидетелей ликвидировали.

— Вы?

— Нет. Летучий голландец, который скрылся на моих глазах.

— Вы его упустили?

— Да.

— И что же теперь будет?

— Что будет?

Кирилл сделал паузу, прожевал рыбу и, налив себе минеральной, продолжил: — По всей видимости, будет пробовать взорвать ядерную мину в другом месте.

— А где он пытался взорвать?

— В Москве. В метро.

— Ядерную мину в метро? Они что, с ума сошли?

— Нет, они нас хотят с ума свести.

— Значит, вы защитили Москву?

— Не я один. Её многие защитили.

— Вы шутите или... Ничего не понимаю. По вашим словам, этой ночью хотели взорвать метро.

— Да. И помог предотвратить этот взрыв ваш муж. Он предупредил о возможности ядерного взрыва в метро «Пушкинская» и «Тверская».

Глаза Виктории Сергеевны округлились, потом радостно заблестели, и она громко закричала:

— Значит, он жив!

— Конечно, жив.

— Подождите, откуда вы всё это знаете?

— Это долгая история. Но знаю я это от моего отца. Записка вашего мужа попала к нему. И это спасло нас от огромной беды. Мы успели выследить террористов и предотвратить взрыв. Но не исключено, что подобный взрыв может произойти в другом месте и очень скоро. Потому что, на мой взгляд, это только часть операции.

— И вы знаете где?

— Мы оба знаем где.

Глаза Виктории Сергеевны вновь округлились, но на этот раз она с недоумением пожала плечами и, отодвинувшись на стуле, с волнением призналась:

— Вы что-то путаете. Я ничего об этом не знаю.

Кирилл оторвался от еды, пригубил сок, но не стал пить, а допил минеральную воду.

— Помните, вы привезли мне на дачу план книги вашего мужа?

— Да, я это отлично помню. Ну и что?

— А припоминаете, там есть три точки, обозначенные сокращенными буквами?

— Да, помню.

— Помните, я еще вас спросил, что это за обозначения: Мм), Дж), Г).

— Помню.

— Эти три обозначения шли после заглавия «Дельфийский оракул или ожидаемая катастрофа»? И вы мне ответили: «Это я не могу понять».

— Да, я это помню. Ну и что?

— Так вот, «Мм» — это и есть Московское метро, а «Дж»... — Кирилл сделал паузу и подвинулся ближе к Виктории Сергеевне. — Мне кажется... Я почти в этом убежден... Помните, мы были с вами у художника Гуляева?

Виктория Сергеевна кивнула.

— Так вот, портрет Алексея Петровича написан на фоне...

— Джорданвилля! — воскликнула она. — Ну, конечно, это Джорданвилль! Да что они, с ума сошли, пустить на воздух такую святыню? Нет, это невозможно! Это бред какой-то! Какими же надо быть уродами, чтобы ударить в самое сердце, в Китеж-град зарубежной Руси?

Когда прозвучали последние слова, Кирилл щелкнул пальцем, словно зафиксировав главное.

— Вот, вы ответили на вопрос, который я все это время задавал себе и другого ответа не нашел. Тут дьявольский расчет: всех перессорить, над всеми надругаться и заставить весь мир друг на друга ополчиться. Ох, как это в духе «людей со специальным умом». В такой обстановке можно делать все, что заблагорассудится. Вводи любые санкции, открывай военные действия, делай поворот влево, вправо — не ошибешься, в любом случае будешь прав. Все не только забудут о кризисе, но будут приветствовать любые меры, только бы подобное не повторилось.

— Кирилл, что же мы сидим? Надо же что-то делать? Ведь если вы правы, мы накануне таких чрезвычайных событий, которые могут взорвать весь мир.

— Виктория Сергеевна, это только предположение. У меня нет доказательств. Просто я иду за Алексеем Петровичем и samozабвенно ему верю. Но как убедить в этом других, я не знаю.

— Вы кому-нибудь об этом говорили?

— Нет!

— Даже отцу?

— Даже отцу.

— Немедленно ему звоните!

— Хорошо, я сейчас позвоню отцу, но вы не спросили, почему я пришел к вам так рано?

Кирилл повернулся к Виктории Сергеевне и в упор, с какой-то обидой посмотрел на нее.

— Так вы ответьте, почему вы пришли так рано утром ко мне?

Она выпрямилась и кокетливо уставилась на него. Кирилл опустил голову, помолчал, потом медленно поднял глаза и отчетливо сказал:

— Я вас люблю, Виктория Сергеевна. — Он снова опустил голову и замер, сам не понимая, что сорвалось с его уст. Её прямая спина мгновенно ослабла, а голова вжалась в плечи. В первый момент показалось, что она даже возмущена. Но это впечатление было обманчиво. Слова Кирилла были так откровенны, что она растерялась.

— Когда же это произошло? — спросила она после долгого молчания еле слышно. — Ну да, глупо...

Она встала из-за стола, медленно подошла к нему и, обняв его голову, прошептала:

— Не мучьте меня. Вы же видите, что я... — Она поцеловала его голову и затихла. Глаза её улыбались, видно было, что она ждала этих слов.

* * *

Радов ехал на встречу с премьером, не зная, о чем пойдет разговор, но на всякий случай захватил страницы с планом книги профессора Самарина, переданные ему Кириллом. После сообщения от Маркова-старшего о возможности взрыва в Джорданвилле он не мог успокоиться. Не раз, посещая Джорданвилль и полюбив этот красивейший уголок православия, он и в мыслях не мог допустить, что с ним может что-то случиться. Однако аргументы Кирилла, с которым Радов сразу связался после полученной информации от Маркова-старшего, были настолько зыбкими и больше походили на догадку, что он боялся: на этот раз ему могут не поверить. Ко всему прочему, как дипломат и человек, непосредственно занимающийся международными связями, он понимал всю щекотливость любой попытки политического вмешательства в дела других стран, не говоря уже об операции за пределами России, тем более в США. А то, что здесь нужна «хирургическая операция», Радов в этом не сомневался. Но как это провести под носом у американцев с их вездесущим ЦРУ и другими службами, он не знал. К тому же, изучив характер премьера, Радов предполагал, что одной голый информацией не обойтись, от тебя потребуют большего — плана проведения подобного мероприятия. «Раз уж ты такой умный и информированный, раз уж назвался груздем, развязывай до конца этот узел», — вот что примерно скажет премьер, если всерьез этой информацией заинтересуется. Наметки операции у Радова были. «Но здесь нужен опыт разведчика или бывшего разведчика», — думал он, поднимаясь на этаж премьера. Ждать приема пришлось долго, около часа. Радов смотрел на часы, чертыхался, а мимо него просачивались те, кому трудно было ждать. В какой-то момент он подошел к секретарю и очень его удивил вопросом: «нет ли у вас здесь радио?» Ему казалось, что каждую минуту могут сообщить о взрыве в Джорданвилле. Наконец очередь дошла и до него, Радова пригласили в кабинет.

Премьер встретил его более чем дружелюбно. С годами он научился, кого следует похвалить, причем не словом, здесь он был как раз сдержан,

а выражением лица, энергией крепкого рукопожатия уверенного в себе человека.

— Рад видеть вас, Лев Георгиевич. Спасибо вам. — Премьер указал на кресло и сел рядом.

— Вы и генерал Смирнов сделали так много, что не знаю, как вас и благодарить. Я, конечно, шучу. Мы найдем способ вас отблагодарить, но то, что вы совершили, само по себе бесценно. По информации, которую мы получили, наши зарубежные партнеры никак не ожидали такой развязки. Надеюсь, что на какое-то время у них будет отбита охота лезть к нам после такого провала. — Он заулыбался, легко встал из-за стола и даже слегка потянулся, расправляя крепкие плечи.

— То, что удалось бежать одному из агентов, не так уж страшно. Наши ребята из ФСБ, кажется, вычислили, кто этот косоглазый хрен. Никуда он не уйдет, если даже окажется за рубежом. — Он самодовольно улыбнулся, вновь повел плечами, видимо затекавшими от долгого сидения в кресле, и с гордостью сказал: — А что? Пусть знают, какая правоохранительная система в новой России. А то привыкли по-прежнему держать нас за олухов. Хотят, как в 90-е, погонять Россию, как буренку. Нет, придется считаться! А то на словах «перезагрузка», а на деле новая «перестройка» и «взаимопонимание» в виде ядерного взрыва в метро. Бегают двое по миру и, как голые персонажи, говорят диаметрально противоположное. Один за «многостороннюю комиссию», а на деле «автономное управление» миром, другой требует «сдать Российскую Федерацию вместе с ее ракетно-ядерным потенциалом, с никуда не годной страной и народом», а в сущности, разыграли доброго и злого полицейского, но итог этого розыгрыша совершенно очевиден — ядерная бомба в Московском метро, а следом война. Нет, придется считаться, — повторил премьер и загадочно улыбнулся чему-то.

Радов сразу уловил, что эти двое не кто иные, как руководство США в лице президента и вице-президента, и решил, что наступил момент сказать, что выводы из всего происходящего, на его взгляд, напрашиваются совершенно другие: «США не на словах, а на деле не намерены считаться с Россией. Они делают ставку на уничтожение русских как народа, России как государства и русской цивилизации в целом и никогда

от этого не откажутся». Но премьер, посмотрев на часы, видимо решил закончить встречу и, протягивая руку, подытожил:

— Еще раз спасибо вам, Лев Георгиевич. — Секунду подумав, премьер, широко улыбаясь, добавил: — Смирнова мы повысим в звании и переведем выше. А вас я прошу подумать о переходе в аппарат председателя правительства. Сейчас готовится серьезная смена, — прохаживаясь, бросил премьер, — некоторые господа, к сожалению, запутались, в каком банке деньги прятать. Поэтому необходимо какое-то время, и мы вернемся к этому вопросу. На этот раз вам отказаться не удастся. Должность у вас будет самая большая. Я сам позабочусь. Многим из ваших коллег придется в очередь к вам вставать, — продолжал премьер, язвительно усмехаясь. Он еще продолжал говорить, но Радов словно отключился.

«Господи, — думал он, — да при чем тут все это? При чем тут моя новая должность и кто будет стоять ко мне в очереди? Знал бы он, как я далек от этого и как стесняюсь любой очереди у себя на работе. И даже не важно, — мелькнуло у него в голове, — будет ли этот самоуверенный человек в ближайшее время у власти или в скором времени его снимут «друзья и товарищи», или он вернется на прежнее место? А что действительно сейчас самое важное в мире, так это то, что может в любую минуту случиться в Джорданвилле, если предвидения Самарина и на этот раз окажутся верными».

Наконец премьер закончил говорить и, протянув руку, стал прощаться. Радов встал и, придвинув к столу кресло, дал понять, что уходить не собирается. Протянутая рука премьера повисла в воздухе, а на лице появилась недовольная гримаса.

Радов не торопясь достал из кармана листочки с планом книги Самарина, надел для убедительности очки и, неловко перебирая странички, протянул их премьеру.

— Что это? Заявление о переходе на работу в мой аппарат?

— Нет, господин председатель правительства. Эти страницы принадлежат профессору Самарину. Это план его книги, где предусмотрен взрыв в Московском метро.

— Зачем, мы уже с этим разобрались.

— Нет, тут есть кое-что любопытное.

Премьер вновь посмотрел на часы, давая понять, что он торопится. Но Радов сделал вид, что этого не замечает.

— Ну, хорошо, покажите.

Радов передал страницы и указал, где были отмечены места взрывов.

— А что значит под вторым и третьим пунктами? — спросил премьер.

— По всей видимости, следующие места взрывов, — спокойно ответил Радов.

Премьер испуганно уставился на Радова:

— Вы так шутите?

— Совсем нет. Иначе зачем бы я вам это передавал?

— И вы так спокойно об этом говорите?

— Я спокоен в той мере, господин председатель, в какой надлежит быть спокойным, беседуя с одним из руководителей страны, от которого зависит решение этого вопроса.

— Ладно, не темните. Что это такое: Дж) и Г)?

— Мы только можем с некоторой уверенностью говорить о первой позиции.

— Кто это мы?

— Мне перед отъездом в Америку звонил Марков-старший, руководитель нашего издательства...

— Я прекрасно помню Маркова-старшего... Что его понесло в Америку? — премьер сел в кресло и приготовился слушать.

— Дела по бизнесу. У него с Германией фармацевтический бизнес, но его партнер настаивает часть его перенести в Америку.

— Надеюсь, не российскую? — спросил премьер, блистательно демонстрируя свою осведомленность.

— Нет, разговор о переносе части германского бизнеса.

— Кто информировал Маркова о новой угрозе и где она намечается?

— Информировал сын, Марков-младший. Он непосредственно занимается делом Самарина. А взрыв предполагается в США, в Джорданвилле.

— В Джорданвилле? — с гневом воскликнул премьер. — Не может быть?! Они что, хотят на этот раз создать смуту в христианском мире, вновь развести нашу православную конфессию и все свалить на Россию?

Радов хотел было добавить, что они хотят боль-

шего: через серию провокаций создать мировой хаос, затем — нанести удар возмездия и, по возможности, начать третью мировую войну. Но видя, что премьер дозревает до этого сам, и понимая, что такая необходимость отпала, промолчал. Однако по-человечески Радов ликовал, его визит оправдал себя.

— Послушайте, Лев Георгиевич, — с иронией продолжил премьер, приходя в себя, — если вы и в этот раз окажетесь правы и мы сумеем предотвратить и эту угрозу, то ничего не остается, как назначить вас в ФСБ. Вы этому ведомству обеспечили беспроblemное существование — все приносите на блюдечке.

Премьер встал из-за стола и принялся ходить по кабинету. Ходил долго, словно забыв о Радове.

— Сколько ядерных мин исчезло из украинского склада в Лозенске? — неожиданно спросил он. — Три?

— Три, — подтвердил Радов.

— А третий пункт, обозначенный буквой Г), что это такое?

— Этого я не знаю. Это может знать только профессор Самарин, — ответил Радов. Но премьер, казалось, уже не слышал Радова, погруженный в свои размышления, он стремительно подошел к столу и, нажав кнопку, приказал:

— Срочно вызовите ко мне генерала Смирнова из ФСБ.

* * *

В мюнхенский аэропорт Марков приехал пораньше. Авиабилеты были у его заместителя Дороффа, который ждал его под часами. Марков брал своего немца с собой, чтобы присмотреть ему жилье и оставить на время проследить за началом бизнеса в США. После обкатки предполагалось назначить помощника Дороффу по германскому филиалу. Обменявшись рукопожатием, оба пошли на регистрацию. В очереди в бизнес-класс народу было немного. Неожиданно движение приостановилось и вперед прошла большая группа. Каково же было удивление Маркова, когда он увидел среди этой группы генерала Стива Рейса. Тотчас выяснилось, что улетает генерал и трое из сопровождающих, все остальные его провожают. Церемония проводов

была короткой, и вскоре генеральская спина, охраняемая помощниками, замаячила впереди. Пройдя паспортный контроль, Марков и Доррофф прошли в кафе, и первый, кого они увидели, был генерал. Перед ним стоял стакан с виски, и он, недовольный, скучал в одиночестве. Охрана и помощники сидели за соседним столиком. Увидев Маркова, генерал удивился и ни с того ни с сего закашлялся. Прокашлявшись, он пригласил Маркова и его спутника за столик. «Видать, сильно мы встали ему поперек горла, что уже при одном моем виде ему нездоровится», — весело подумал Марков, отвечая на приветствие Рейса. Марков присел за столик генерала, а Доррофф направился к стойке бара.

— До отлета еще полчаса, я уже начал скучать, а тут вы, господин Марков. А что же ваш спутник? Брезгует военным сословием? — взглянул он в сторону уходящего Дорроффа.

— Что вы, генерал. Мой помощник, как и ваши коллеги, воспитанный человек.

— Мои воспитаны? — удивился генерал и, окликнув ближайшего подчиненного, попросил принести водку.

— Вы, надеюсь, выпьете со мной, господин Марков?

— Непременно, генерал.

— Не знаю почему, но ваше появление вызвало у меня беспокойство. Мы тогда, кажется, недоспорили?

— По Фрейду, беспокойство — это либо ожидание конфликта, либо чувство вины, господин Рейс.

— Ох уж этот Фрейд! Большой хитрец, ваш Фрейд. А если это и то и другое?

— Возможно, это ожидание встречи с прекрасной незнакомкой.

— Ох, куда вы махнули. Впрочем, благодаря Вайсу я теперь хоть куда.

— Вайсу и препарату «Изком 2», генерал.

— Странно, вы всегда знаете больше, чем обыкновенные люди, Марков. Недаром я напророчил вам в Америке карьеру политического комментатора. Помните?

— В данном случае, генерал, в моих знаниях нет ничего удивительного. Я еду в США по вопросам бизнеса.

— Вы в Нью-Йорк? — быстро спросил Рейс.

— Как и вы, генерал. Мы были за одной

стойкой при оформлении. Но вас оформили без очереди.

— Я лечу по важному делу, только и всего. А что у вас за бизнес, господин Марков?

— Мой бизнес — это препарат, который вылечил вас.

— «Изком 2»? — воскликнул Рейс. Он с удивлением уставился на Маркова и долго не мог прийти в себя. — Так это вы тот таинственный русский, о котором избегал говорить Вайс. Мне было известно, что вы издатель, журналист, но об этой стороне я ничего не знал.

— В Германии делами моей фирмы занимается мой помощник, — Марков кивнул в сторону Дорроффа, — а в России жена.

Рейс улыбнулся и добавил:

— Вы только осуществляете общее руководство.

— Да, именно так.

— Как интересно! А я вас в комментаторы записал. Это мне впору проситься к вам в комментаторы. — Генерал засмеялся и вновь стал кашлять. Откашлявшись и вытерев рот платком, он продолжил: — А что? Я живая реклама ваших достижений. Если прикажете, могу выступить по телевидению, радио, в прессе, на подиуме... — Рейс поднял стакан с виски и с бравадой произнес: — За ваш «Изком 2», господин Марков, за процветание вашей фирмы, за вас!

Он вновь позвал помощника и попросил принести орешки. Лакомясь ими и перебирая пухлыми руками, он стал фантазировать:

— А ведь я могу вам и впрямь пригодиться, Марков. Хотите, откроем филиал вашей фирмы в Голливуде? Там к вам весь пьющий Голливуд на лечение поперет. Все эти Гиры, Сталлоне, Брет Питы и даже Шварценеггеры в очередь будут к вам записываться. Деньги немеренные потекут. Миллионером станете, Марков. Хотите, помогу?! Я ведь вам многим обязан.

— Вам придется бросить теперешнюю работу, генерал Рейс, — твердо ответил Марков.

— Мою работу? — Генерал задумался и потер руки. — Это ваше условие?

— Да, мне нужны преданные люди. Уважающие честь своей фирмы, страну ее хозяина...

— Подождите, вы хотите заставить меня любить Россию? Или решили завербовать? — Генерал расхохотался и опять закашлялся.

— Заставить любить нельзя даже голодную дворнягу, — быстро ответил Марков. — А вот уважительно относиться, не быть недругом этой страны — дело, по-моему, естественное и возможное... Хотя бы напоследок. Не так уж нам много осталось, господин генерал

— Что вы имеете в виду, господин Марков, — насторожился Рейс.

— По докладу американской Академии наук (НАС), в 2012 году будут колоссальные вспышки на солнце и корональные выбросы, которые перекосят магнитное поле планеты, начнутся веерные отключения, сгорят трансформаторы и электрические сети. Мир погрузится в темноту на десятки лет. Возможно, это обстоятельство сделает нас напоследок более человечными друг к другу. И мы, закончив эту безудержную потребительскую гонку, вспомним об идеалах и, как наши отцы, найдем свою Эльбу и, наконец, сделаем счастливыми друг друга без очереди за «Искомом 2».

— Какие вы, русские, все-таки романтики... Чем хуже вы живете, тем больше появляется у вас романтиков.

— Да, вы правы, господин Рейс. Мы никогда не жили хорошо, но мы всегда побеждали.

Рейс, словно взвесив услышанное и улыбнувшись, ответил:

— Вы напомнили мне моего отца — полковника Майкла Рейса. Он ведь тоже был на Эльбе... Да-да, это очень заманчиво повторить этот пример.

Рейс откинулся в кресле и на минуту задумался. Казалось, он взвешивает предложение Маркова. Однако вскоре лицо его приняло прежнее выражение.

— Что ж, продолжим этот разговор в следующий раз. — Он посмотрел на часы и, повернувшись к своим помощникам, скомандовал: — На посадку!

Затем подвинулся к Маркову и четко сказал:

— А что касается солнечного шторма, то не волнуйтесь. Мы что-нибудь придумаем. Америка — страна величайших возможностей. Одних русских умов у нас пруд пруди. Поверьте, они что-нибудь придумают. Возможно, это будут недорогие резисторы, вмонтированные в трансформаторы для заземления. Или поставим аппарат между солнцем и землей и, полу-

чив штормовое предупреждение, смоемся под землю.

— Все не успеете, господин генерал.

— Я за других не отвечаю, господин Марков.

— А кто же позаботится о других?

— Бог, господин Марков! У него будет замечательный случай проявить свое милосердие. До встречи! — Генерал сделал прощальный жест и тихо добавил: — А за «Иском 2» — спасибо! Я вас разыщу в Нью-Йорке, мы еще не раз встретимся. Кажется, это судьба.

Они пошли на посадку в один самолет, сидели неподалеку, но летели с противоположными целями, так и не найдя общего языка.

* * *

Местечко Джорданвилль расположено в штате Нью-Йорк. Неподалеку от этого места с тридцатых годов расположена Всезарубежная Лавра, имеющая в течение нескольких десятилетий всеправославное значение. К слову, исходившему из этого места, всегда прислушивались люди всего православного мира. В свое время это была единственная служба, где печатались богословские книги. Отсюда они щедро рассылались по всему миру. Святая братия это место с достоинством и гордостью называет — «Уголок Святой Руси». Сам Джорданвилль расположен в живописном месте. Если ехать от этого американского фермерского местечка по единственной дороге в северо-западном направлении, то она разделит небольшую долину, по обеим сторонам которой возвышаются холмы, а сама дорога пересекает высокий пригорок, где у его подножия мчится пенно-белая горная река с водопадами. На холме с правой стороны — маленькое кладбище, а подножие холма заросло лесом. Вот здесь, у опушки леса, и начинаются церковные поля. По левую сторону пути — высокий холм. Там, наверху, величественно возвышается большой православный крест, а внизу, в долине, расположен Свято-Троицкий монастырь — духовный центр РПЦЗ и всей зарубежной Руси.

Именно здесь в эти октябрьские дни под председательством Первоиерарха Русской зарубежной церкви собрался Всемирный совет церквей. Собрались не только православные иерархи, но и гости католического клира и мусульманского

вероисповедания. Народу в этот раз было непредвиденно много. Часть гостей пришлось поместить в соседнем городке Ютике, где была большая гостиница. Днем, когда шли заседания, «круглые столы» и студенческие семинары, в Свято-Троицком монастыре яблоку негде было упасть. Присутствие представителей Ватикана высокого ранга потребовало увеличения охраны, которая буквально заполонила все рабочие места, где проводился Всемирный совет.

В одну из ночей все населяющие Свято-Троицкий монастырь и округу услышали сильный разрыв. Вскоре по едва заметному запаху стало понятно, что в проезжей части внутреннего двора монастыря лопнули трубы. Все отнеслись к случившемуся с пониманием. Некоторые даже шутили, что, мол, такое количество «святости» не выдержали даже канализационные трубы. Администрация монастыря уже утром принялась ликвидировать прорыв. Однако он оказался объемным и местными силами справиться не было возможности. В таких случаях на помощь братии всегда приходило руководство города Ютика. Но в этот раз мэр города отказал, сославшись на ремонтные работы у себя. Позже администрация монастыря никак не могла вспомнить, кто порекомендовал обратиться к городским властям города Уоррена, названного в честь генерала Джозефа Уоррена. Именно в этом полувоенном городке нашлась бригада, которая вызвалась устранить прорыв канализации в монастыре. Рабочие подогнали технику, огородили место прорыва, и работа закипела. Вскоре тяжелый запах исчез, и бригада, в которой было человек семь разных национальностей, перестала всех интересовать. На какое-то время работа приостановилась. Оказалось, что нужных труб не хватает, в поисках стали рыскать по соседям, и огороженное место рядом с монастырем почти пустовало. Примерно в это время в Джорданвилле появился Марков. Пока ему, как журналисту и главе издательства, готовили документы для аккредитации, пока согласовывали с МИДом и посольством России в США все тонкости церковного этикета, время безвозвратно уходило. Трое других — Кирилл и двое сотрудников ФСБ — посланные в Джорданвилль под видом прессы генералом Смирновым, так и не сумели устро-

иться в монастыре и жили в гостинице города Ютика. Кирилл отпустил небольшую бородку и был похож на миссионера неизвестной национальности. Каждое утро он с «коллегами-журналистами» мчались тридцать километров из Ютики в Джорданвилль на взятой в прокат машине, не сводили глаз с дороги, где проезжали на совещание церковные служители, бывали на службе, которая, несмотря на высокое собрание, шла непрерывно, следили за всем, что происходит в монастыре. Однако подозрительных людей замечено не было. Одно время всех насторожили приехавшие бригадой «водопроводчики», как их прозвал Кирилл, но вскоре работы в котловане на время затихли, а людей поубавилось, остались только двое дежурных. Тем не менее Кирилл по возможности не сводил глаз и с этих молодцов, слишком уж мордастых и сытых, чтобы быть канализационными рабочими. Но потом выяснилось, что эти ребята действительно работники небольшой ремонтной конторы из города Уоррена.

Все эти дни люди, посланные генералом Смирновым под разными предложениями на Всемирный совет для предотвращения террористического акта, жили под страхом возможного взрыва. Причем напряжение росло с каждым днем. Особенно тяжело было Маркову-старшему. Из всех только он ночевал в монастырской гостинице. К себе в «келью» он возвращался поздно, заваривал кофе, пил чашку за чашкой, прислушиваясь к каждому шороху снаружи. Но последние ночи и Марков не выдерживал и под утро засыпал тяжелым, нервным сном. Только днем, в обед, в Лавре было относительно спокойно. Наступал трехчасовой перерыв в заседаниях, это время посвящалось отдыху, а в небольшой церкви «Оптинских старцев» можно было причаститься и исповедаться. К концу недели всем участникам операции показалось, что на этот раз Самарин, к счастью, ошибся, о чем Марков-старший с нескрываемой радостью сообщил по телефону Радову, находившемуся в Вашингтоне по приглашению российского посла. Радов поздравил всех с тем, что, кажется, беда миновала, и предложил по окончании Всемирного совета прибыть в Нью-Йорк, откуда вернуться в Россию.

* * *

С тех пор как Самарин увидел по телевидению репортаж о начале Всемирного совета в Джорданвилле, он не находил себе места. Его вместе с Мюнхенской группой перебросили в полувойенный город Уоррен и после провала операции в Московском метро держали под неусыпным контролем. Никаких доказательств того, что Самарин предотвратил взрыв, передав через кого-то информацию о его месте и сроках, у цэрэушников не было. Единственный человек — доктор Чердак, в те дни видевшая Самарина, была мертва. Но и она, с точки зрения людей Стива Рейса, не могла или не успела передать никакую информацию русским. Причину провала свалили на дагестанцев. Тем более прибывший окольными путями сотрудник, как и договаривались, убравший дагестанцев, без обиняков обвинил их в топорной работе, сожительстве с женщинами легкого поведения и неумении держать язык за зубами. С мертвых не спросишь, и дело пришлось с огромным трудом замять. Но Стив Рейс впервые получил черный шар, поэтому операцию в Джорданвилле готовили с особой тщательностью. Все должно было случиться в последний день, в момент торжественного закрытия Всемирного совета, на котором, по замыслу церковных иерархов, после унии с Московской патриархией должно было прозвучать решение о роспуске этого органа.

Со времени увиденного репортажа о Всемирном совете Самарин искал возможность передать сообщение о новой угрозе, теперь в Джорданвилле. Однако в любых контактах или переговорах ему отказывали. На все его протесты никто не реагировал. Правда, его больше не терзали пытками — сменили тактику, делая вид, что перестали верить в возможность сотрудничества с ним. И все потому, что еще в Мюнхене, когда он узнал окольными путями, что в Москве у цэрэушников ничего не получилось, он отказался написать свои «прозрения», сославшись на ухудшение здоровья. Перебросив его в Штаты, ЦРУ сделало все, чтобы самочувствие Самарина улучшилось. Стив Рейс ни под каким предлогом не хотел передавать его кому-нибудь из сотрудников других отделов. В случае, если Самарин разговаривается, Рейс понимал, что для него это гран-

диозный шанс, упустить который равносильно преступлению. После встречи и продолжительной беседы с Рейсом Самарина стали хорошо кормить, позволяли под присмотром прогулки в большом дворе военной части. Но у него по-прежнему не было ручек, бумаги и никакой связи с внешним миром. Единственное, что разрешили, это курить и читать книги. Но в связи с тем, что у него стало портиться зрение, профессор попросил для чтения очки. Вскоре роговые очки в футляре были торжественно ему вручены. Именно очки помогли ему найти выход из создавшегося положения. В помещении, в котором его держали в военном городке, не было видеокамер, поэтому профессор большую часть времени был предоставлен самому себе. Однажды благодаря появившимся очкам в оконной раме он увидел не до конца вбитый гвоздь. Ради интереса он стал его вытаскивать. Гвоздь был тонким и, видимо, крепил в прошлом какие-то шторы, висевшие в этом помещении. Идея пришла неожиданно. Дно футляра имело плотную светлую ткань, на которой, накалывая гвоздем, можно было оставить любое сообщение. Если сообщение кодировать, место для письма увеличивалось. В короткий срок Самарин превратил футляр из очков в послание, где были даты, места и события, которые с его точки зрения могут изменить мир. Благодаря пеплу от сигарет его наклейки оказались четкими, и человеку, обладающему системным подходом, можно было понять прозрения автора. Неоднократно повторялись цифры — 12 и 14, по всей видимости, 2012 — 2014 гг. В этом промежутке сконцентрировалось большее количество событий.

Когда футляр был полностью заполнен, Самарин стал искать встречи с высоким начальством. Узнав о готовности сотрудничать, Рейс решил повторно побеседовать с профессором. Результатом этой встречи была договоренность, что Самарин приступает к работе над «прозрениями». Перед работой ему, как человеку верующему, была обещана возможность причаститься и исповедаться в одной из джорданвиллских церквей. Обеспечить охрану Рейсу не составляло труда, а договориться о священнике, который выполнит эту задачу, было нетрудно. Рейс ликовал. Теперь его карьере маячило такое ускорение, что трудно было даже представить.

Самарина повезли в Джорданвилль в последний день Всемирного совета, когда в центральном соборе началось торжественное закрытие, а в малых церквах практически никого не было. Выбор пал на церковь «Оптинских старцев». С игуменом Сергием предварительно договорились, чтобы никаких посторонних разговоров с заключенным не велось.

Машину с Самариным и охраной Кирилл заметил в бинокль, а мелькнувшее лицо профессора, хоть и изрядно заросшее бородой, узнал сразу. Помогла картина, которую он видел у художника Гуляева. Тотчас он дал знать о появлении Самарина отцу и своим коллегам. С этой минуты весь эскорт, сопровождающий Самарина, был под наблюдением. Еще перед входом в церковь Самарин перекрестился и, склонившись, долго оставался в этом положении. Сейчас каждая мелочь контролировалась им. Он сразу почувствовал, что за ним ведется наблюдение еще кем-то помимо американской разведки. Войдя в церковь, он стал искать глазами тех, кто готов был с ним вступить в условное общение. Но народу практически не было. Кирилл в церковь не вошел, а Марков, узнав по телефону о появлении Самарина, только направлялся в церковь «Оптинских старцев». Службы в церкви не было. Подойдя к указанному охраной священнику, Самарин попросил причастия и пожелал исповедаться. Игумен, заранее предупрежденный, кого он будет исповедовать, сразу принялся за дело. Самарин, узнав имя игумена, почувствовал, что довериться ему можно. Впрочем, выбора у него не было, приходилось рисковать.

Отвечая на вопросы игумена, Самарин дождался накрытия епитрахилью и под одеянием негромко прошептал:

– Монастырь в опасности. Заложена бомба. Она в трубе. Примите меры как можно скорее.

Игумен внешне никак не прореагировал, но предупреждение услышал. Закончив исповедь, он перекрестил Самарина и, протянув руку для поцелуя, отпустил.

Выйдя из церкви, Самарин еще издали узнал Маркова-старшего. Остановившись, профессор долго крестился, стараясь краем глаза еще раз убедиться, что не ошибся. Марков незаметным движением руки дал понять, что тоже узнал Са-

марина. Вскоре профессор уже сидел в машине, которая по верхней дороге покатила в сторону военного городка. Марков срочно послал Кирилла и двух сотрудников на машине следом, а сам вошел в церковь.

В это время Кирилл, чтобы не привлекать внимания, догонял машину с Самариным по нижней дороге. Цэрэушники, выполнив задание, расслабились и болтали, поглядывая на часы и поглядывая в небо. Только Самарин неотрывно следил за обеими дорогами. Вскоре он заметил «форд» Кирилла и стал искать повод, чтобы выйти из машины. Ему казалось, что еще одно усилие и он обретет свободу. В голову приходили десятки вариантов, которыми можно воспользоваться. Когда машина пошла вдоль бурлившей внизу реки, Самарин придумал план. Он вспомнил приступы кашля генерала Рейса во время их бесед и решил использовать этот прием.

Приступ кашля, замечательно симулированный профессором, заставил охрану (получившую от Рейса приказ выполнять любые просьбы профессора) остановить машину и дать заключенному отдышаться. Оказавшись на самой высокой точке пригорка и увидев внизу машину преследователей, Самарин словно ждал какого-то сигнала. И в этот момент в воздухе появился вертолет. Этот тяжелый вертолет был послан, чтобы забрать всю группу вместе с машиной и вывезти в другой район, на новую базу. Все уставились в небо, пытаясь понять, где приземлится вертолет. В этот момент Самарин, словно защищаясь от потока воздуха и пыли, поднятой вертолетом, бросил в сторону нижней дороги футляр от очков, а сам ринулся бежать. Спортивное прошлое и постоянные занятия бегом в зрелом возрасте дали о себе знать – он сразу namного оторвался от преследователей. Однако охранники стали быстро настигать его. Тогда Самарин сбежал на край дороги и стал вглядываться вниз, где шумно неслась река. В одном месте он неожиданно остановился, отбежал в сторону и, набирая скорость, помчался к обрыву. Подпрыгнув высоко вверх, он раскинул руки и, как птица, полетел к реке. В какой-то момент всем видевшим этот отчаянный рывок к свободе поверилось, что он долетит до реки и спасется. Но Самарин упал в метре от спасительной воды. Видно было, что это падение стало смертельным

для него. Через минуту, придя в себя, цэрэушники бросились вниз, чтобы подобрать тело беглеца, а Кирилл, схватив свалившийся на нижнюю дорогу футляр от очков, развернул машину и, не останавливаясь, помчался в Джорданвилль. Издалека ему было видно, как быстро набирает скорость вертолет, унося с собой всех участников этой страшной сцены.

Войдя в церковь, Марков почувствовал, что его обгоняет какой-то небольшого роста монах с седой шевелюрой на затылке. Через секунду он уже шептался с игуменом и вскоре стремительно повернул назад. Пропустив монаха, Марков ринулся следом на небольшом расстоянии, наблюдая за тем, что будет делать монах. Тот забежал в дворницкую и через секунду появился с небольшой замусоленной сумкой. Забросив сумку на плечо, монах какое-то время постоял в раздумье, но в следующее мгновение быстро побежал в сторону собора. Марков с трудом поспевал за ним, прячась за спины редких прохожих. Впрочем, монах был так нацелен на свою сверхзадачу, что даже не оборачивался. У собора, где шла торжественная служба, посвященная закрытию Всемирного совета, монах стал ускользать от Маркова. Но у проезжей части монастыря Марков догнал его. Монах ловко спустился в огороженный котлован, где ремонтировалась канализация. Только теперь Марков заметил, что в последний день рядом с котлованом появились аккуратно сложенные новые трубы, но увидел и другое — в дощатой дежурке не было сторожей. Те два мордovorота, подозреваемые Кириллом и постоянно торчавшие на виду, исчезли. Только сейчас до Маркова дошло, что каждую секунду может раздаться взрыв. Тем временем голова монаха уже скрылась в котловане. Марков на ватных ногах двинулся следом. Спустившись по деревянному лестничному настилу, он оглянулся и пошел вниз, на нижний ярус, где находились трубы. Неожиданно сзади его крепко схватили за горло и стали душить.

— Да св-оо-й я, свой, рус-сс-кий! — захрипел Марков, стараясь вывернуться из рук монаха.

В какой-то момент ему это удалось.

— Мы ищем одно и то же! — злобно закричал он хриплым голосом. — Бомбу! Ядерный снаряд. Да или нет?

— Да! Игумен меня послал за этим. Какой-то человек его предупредил.

— Это профессор Самарин, выкраденный из России. Здесь поработало ЦРУ. Бомба где-то здесь!

— Да, владыка сказал искать в трубе.

— Ты кто такой? — ни с того ни с сего закричал Марков, наступая на монаха.

— Я «афганец», — быстро ответил монах, — свя-зист, был в плену, а потом прижился здесь. Мест-ный электрик...

— Звание?

— Капитан. Капитан Коршилов.

— Капитан, как тебя...

— Николай...

— Коля, где здесь может быть бомба?

Монах оглянулся, шагнул вперед и указал на две трубы: «Лучше всего подложить туда. Если это ядерная мина, то разнесет все и всех... Не соберешь даже костей». Монах недоговорил, только развел руками.

— Вот где она! — вдруг завопил он, указывая на трубу, заваленную еще сырым цементом.

Они бросились вниз и стали руками разгребать завал. В стороне валялась впопыхах брошенная лопата. Марков схватил ее, изо всех сил стараясь помочь. Вскоре в завале появился створ трубы, через который можно было заглянуть внутрь. «Афганец» сунул лицо в отверстие и прошептал:

— Здесь она, здесь... Теперь только Бог решает. — Он перекрестился и с какой-то неисто-вой силой разбросал лопатой остатки цемента, вытащил фонарь из сумки и, освещая одной рукой внутренность трубы, другой медленно стал придвигать мину. Марков зажмурил гла-за, стараясь не смотреть. Миллиметр за мил-лиметром мина двигалась к выходу. Показа-лась черепашья спина детонатора, замелькали мигающие цифры... Маркову казалось, что ча-сы не идут, а кувалдой стучат у него в голове. На секунду он оглох, потому что первые удары колокола не услышал. На колокольне отбива-ли полдень. По всей видимости, «афганец» до-гадался, что с последним ударом все кончится. Он весь дрожал. Видно было, что из последних сил старается взять себя в руки. На лысине выступили капли пота, похожие на волдыри.

— Дайте вот это, — прошептал он, указывая на небольшие садовые щипцы.

Марков протянул шипцы на восьмом ударе. Прозвучал девятый, десятый удар, наконец одиннадцатый... Рука «афганца» напряглась, раздался щелчок, и тотчас прозвучал двенадцатый удар. На циферблате часов застряли цифры — 0,06 секунды. Где-то вдалеке запел хор, зазвенел голос Первоиерарха, и началась «Молитва о спасении».

В это время в кармане у Маркова затренькал мобильный.

— Отец, — кричал в трубку Кирилл, — они все смылись. Их забрал вертолет. Забрал вместе с Самариным и машиной. Значит, конец, мы не успели... Папа, уходи оттуда скорей. Предупреди людей и уходи... Вот-вот будет взрыв!

— Не будет, сынок. Мы ее нашли... Мина обезврежена...

— Где ты, отец? — через паузу спросил Кирилл.

— В канаве, вместе с Колей.

— В какой канаве, с каким Колей? — испуганно кричал Кирилл.

— С нашим, русским... Бывшим «афганцем»... Он все сделал. Бомба сдохла, сынок. А канава тут одна...

— Канализация?

— Да, мы здесь, внизу.

— Никуда не двигайтесь, мы скоро.

Через десять минут «форд» затормозил у ограды котлована. Кирилл, оставив двух человек снаружи, стал спускаться вниз. Когда он увидел курящего и с ног до головы заляпанного цементом отца, а рядом дымящего сигаретой монаха, сердце его еле выдержало. На какое-то мгновение он представил, что пережили эти двое.

Кирилл присел рядом и как замороженный уставился на мину. Неизвестно сколько прошло времени, но очнулся он, когда монах, оставшись в исподнем, стал закутывать мину в рясу, чтобы вынести ее. Сил у «афганца» явно не хватало, и тогда Кирилл, подставив руки, принял мину себе на грудь и медленно пошел наверх. Это были шаги, которые он долго не мог забыть. Никто из огромного числа паствы — счастливой и одухотворенной после закрытия Всемирного совета — не заметил, как в запыленный «форд» на заднее сиденье аккуратно уложили какой-то груз и повезли его в неизвестном направлении. Некоторые, правда, обратили внимание на полураздетого, странного человека, усердно махавшего вслед

отъехавшей машине. Большинство посчитали, что это блаженный, которым на Руси прощается все. Об «афганце» и впрямь можно было сказать словами апостола Павла: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

На следующий день президент России выступил по телевидению с сенсационным заявлением, в котором в том числе было сказано, что, несмотря на лозунг некоторых государств об отказе от концепции «войны с терроризмом», как известно неразрывно связанного с другим лозунгом — «продвижение демократии», тем не менее российским спецслужбам в эти дни пришлось предотвратить два ядерных террористических акта в России и в сопредельной стране. В конце президент добавил, что «по нашим сведениям, не исключена подготовка и третьего террористического акта, на котором настаивают политики, задачей которых является новое обострение межгосударственных отношений и в конечном итоге выстраивание курса на развязывание третьей мировой войны. Но и в этом случае, — закончил президент, — у этих, прямо скажем, обезумевших голов, ничего не выйдет. Российские спецслужбы знают, где готовится эта террористическая акция, и не допустят ее проведения».

Через день президенты России и США провели телефонный разговор. А еще через два дня закончились самые большие учения НАТО на европейской территории.

ЭПИЛОГ

Прошел год. За это время многое изменилось в судьбах наших героев и в стране в целом. В России в очередной раз произошла смена правительства. Это коснулось и некоторых наших героев. Вскоре после событий в Джорданвилле в одной из канадских газет промелькнуло сообщение о гибели профессора Алексея Самарина. Это напомнило классическую методику спецслужб по легализации «нужного материала». Запуск слуха... «Слив» в прессу (лучше не в центральную). А когда общественное мнение подготовлено — появление в официальных источниках. Чуть позже жена академика Бореева — Людмила Васильевна, в компьютере, куда долго не заглядывала из-за

своей и мужа болезни, обнаружила рукопись, посланную Самариным для рецензии незадолго до своего исчезновения. Но сенсации не произошло. Рукопись не попала в издательство Маркова, а была передана для ознакомления в один из отделов ФСБ. Надо добавить, что эта работа не появилась в печати и на Западе. А вот переданный Кириллом в ФСБ футляр из-под очков хоть и оказался в том же отделе, но, по всей видимости, сослужил службу, поскольку попыток провести вышеописанные террористические намерения больше не повторялось.

Кирилл и Виктория Сергеевна через год стали мужем и женой. Игорь Козловский за короткий срок выдвинулся в число лучших боксеров в юношеской сборной России. На международной встрече молодежных сборных России и США он заявил о себе как о первоклассном мастере.

Когда Игорь вышел на ринг в первом полусреднем весе, раздался шквал аплодисментов. Видно было, что любители бокса знают и любят его. Многим он очень напоминал отца, но в нем было и свое — изящество, легкость, точный расчет и, конечно, непревзойденный удар с обеих рук. К этому времени американцы вели в счете и все ждали перелома. Игорь начал бой в быстром темпе, его характерное раскачивание телом, нырки и заключительный удар слева в голову быстро сделали свое дело. Чернокожий американец оказался в нокдауне. А во втором раунде после двух точных попаданий в голову бой был прекращен за явным преимуществом. В этот раз сборной России удалось победить с небольшим

преимуществом, а Игорь Козловский был объявлен лучшим боксером турнира. Награждение проводил заместитель председателя правительства России Лев Радов. Вручая приз за «лучшую технику», Радов не удержался и сказал в микрофон: — Боксер Игорь Козловский — воспитанник одного из лучших тренеров России — Альберта Лавриновича.

Но это еще не все.

Радов сделал паузу и негромко добавил:

— Игорь вырос в семье, которой гордится наша страна.

Когда зазвучал гимн в честь победы России, в ложе для гостей помимо Маркова, Валентины, Кирилла и Виктории Сергеевны находился новый директор ФСБ, Герой России генерал Виктор Смирнов.

После победы Игоря поздравляли в ресторане, расположенном напротив стадиона «Динамо». Звучали здравицы, пожелания новых побед. Рядом с Игорем сидела милая девушка. Звали ее Даша. Когда ей предложили произнести тост, она застеснялась, но все-таки сказала:

— Я научилась радоваться каждому дню. И сколько бы их у меня ни было впереди, день победы Игоря будет самым дорогим, потому что Игорь — самый лучший. — Она секунду помолчала и вдруг, краснея, выкрикнула: — Я всех вас люблю и всем желаю долгих лет жизни!

□

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ —

писатель, режиссер, драматург, заслуженный артист России.

Окончил театральное училище им. Щукина в 1966 г.

С 1966 по 1977 г. был ведущим артистом Московского театра на Таганке.

Несколько лет возглавлял академический театр им. Лермонтова в г. Алма-Ата.

Как главный режиссер поставил более пятидесяти спектаклей.

В 1973 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор восьми романов и сборника пьес.

По его роману «Семя Отечества» вышел телесериал «Репортеры».

Многие годы ведущий телепередачи «Искатели» на «Первом канале».

Секретарь правления Союза писателей России,

ответственный секретарь Московской городской писательской организации.

В журнале «Север» публикуется впервые.

